

Храм Афродиты

Елена
Арсеньева

ШКОЛА ГЕТЕР-2

Храм Афродиты

Елена Арсеньева

Школа гетер-2

«Елена Арсеньева»

2014

Арсеньева Е. А.

Школа гетер-2 / Е. А. Арсеньева — «Елена Арсеньева»,
2014 — (Храм Афродиты)

ISBN 978-5-699-75357-4

Каждой будущей гетере накануне выпуска из Школы дается задание - как можно ярче проявить свои способности соблазнительниц. Лаис пророчат блестящую будущность на службе Афродите Пандемос, покровительнице вольной и продажной любви, но для начала она должна совратить Артемидора Главка, которого прозвали Апрозитосом, то есть Недоступным. А сердце его принадлежит мраморной красавице, статую которой он нашел однажды в подземелье. Изохренной хитростью Лаис добивается-таки своего, но это становится первым звеном в цепочке тех бед, которые оплетут ее судьбу. Обвиненная в убийстве своей лучшей подруги, она бежит из заточения в Эфес и становится там самой популярной гетерой. Однако на нее охотятся звероподобные поклонники скотоложства, готовя ей страшную, позорную участь... Кто спасет ее? Удастся ли ей вернуть честное имя и найти убийцу? Простит ли ее за обман Артемидор, который разрывается между любовью и ненавистью к Лаис? И откуда же взялась та мраморная статуя, которая была соперницей гетеры?.. Это четвертый роман из серии «Храм Афродиты».

ISBN 978-5-699-75357-4

© Арсеньева Е. А., 2014

© Елена Арсеньева, 2014

Содержание

Коринф, поместье Главков	6
Коринф, школа гетер	14
Коринф, школа гетер	22
Коринф, дом Клеарха Азариаса	24
Коринф, усадьба Главков	32
Коринф, дом Олиса Хомера	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Елена Арсеньева Лаис Коринфская. Соблазнить неприступного

*Эрос... Летит от Киприды он —
Темный, вселяющий ужас всем, —
Словно сверкающий молнией
Северный ветер фракийский,
Душу мне мощно
до самого дна он колышет
Жгучим безумием...*

Ивик

© Арсеньева Е., 2014

© Дизайн обложки – Арсеньева Е., 2020

При оформлении использован фрагмент картины Георга Паули
«Омовение», 1882 гю

Коринф, поместье Главков

Надо было всего лишь перебежать двор, потом взобраться на плоскую крышу пристройки и там затаиться в ожидании. Когда стемнеет и на небе появится вечерний Геспер, любимая звезда Афродиты (тот самый Геспер, брат-близнец которого Фосфорос появляется на утренней заре), в спальне зажгут светильники, и тогда с крыши будет прекрасно видно, что творится внутри.

Да уж, Лаис придется как-то исхитриться – и заглянуть туда самой, если она хочет разгадать тайну Артемидора из Коринфа, сына Ксантоса Главка. Ни один из его рабов, которых Лаис подкупала и расспрашивала, ничего толкового так и не смог рассказать. Рабов не пускали даже убирать в покоях господина, все там делал Мавсаний – старый раб, который служил Артемидору с самого его рождения и пользовался полным доверием.

Правда, в обязанности одной маленькой рабыни по имени Сола входило наполнять светильники в доме маслом и следить за тем, чтобы фитили из овечьей шерсти в них не прогорали больше положенного и не чадили. Именно благодаря этому Сола и могла попадать в спальню господина.

Сола была очень глазастая и приметливая. Она-то и сообщила Лаис, что хозяин частенько покупает новую роскошную ткань для женской одежды или прекрасные воздушные покрывала, достойные касаться волос богини. Покупает он также самые разнообразные парики, которыми в последнее время так полюбили украшать себя знатные красавицы и самые роскошные гетеры. А сандалиям с изящными позолоченными ремешками, а также серьгам, подвескам, ожерельям, диадемам, восхитительным карфитам – наплечным застегкам, фигурным гребням, заколкам для волос – всему этому и вовсе счету нет, хотя эти вещи стоят немалые деньги! Все это лежит в сундуках, ларцах, шкатулках, которыми загромождена спальня Артемидора, но для кого куплены эти подарки – неведомо.

Возможно, сказала Сола, обо всем этом знает Мавсаний, конечно же, посвященный во все секреты своего господина. Однако Сола предостерегла Лаис от попытки расспросить этого раба. Он был беззаветно предан своему молодому хозяину и скорее откусил бы себе язык, чем принялся болтать о его привычках с первой встречной. Да и не с первой – тоже не стал бы!

Сола заметила, что иногда какой-нибудь хитон, гиматий или покрывало¹ исчезали, также куда-то девались некоторые украшения, но потом это все возвращалось на место, зато пропадали другие вещи. Было, впрочем, очень странно, что никогда не исчезали сандалии: они висели на особых крючках в раз и навсегда установленном порядке.

Получалось, что неведомая особа, для которой Артемидор покупал все эти вещи, не носит сандалий. Ходит всегда босиком, что ли?! Или ни одна пара так и не пришлась ей по ноге? И весьма странно, что Артемидор не дарит ей эти вещи, а отдает лишь на время. Кто же она?!

Лаис щедро платила Соле, но служанка так и не смогла выяснить, для кого покупаются вещи и украшения. Никогда ни одна женщина, кроме нее самой, не переступала порога спальни Артемидора. Но Сола не шла в счет: господин не достаивал ни ее, ни других рабынь даже взглядом, не то что словом или лаской.

Да что рабыни! Никогда ни одной женщине Артемидор не подарил ни нежного взгляда, ни любовного признания.

¹ Хитон – одеяние мужчин и женщин в Древней Греции, как правило, исполнявшее роль нижнего белья. Появиться на люди в одном хитоне могли позволить себе только бедняки или рабы. Зажиточные люди могли остаться в хитоне только в кругу самых близких людей, а вообще считали неприличным ходить без верхней одежды – гиматия. Гиматии носили аулетриды, ученицы школы гетер, выходя в город. (Здесь и далее прим. автора.)

Он не обращался к сводням – ни за очаровательными любовницами, ни за хорошенькими любовниками. Матропосы² портовых и уличных шлюх обоого пола призывали свою покровительницу Афродиту Порну в свидетельницы, что Артемидор не пользовался услугами их подопечных. На него были в обиде все коринфские гетеры: и молодые, свежие, подобные наливным яблочкам, которыми славится остров Мелон, и самые прожженные мастерицы раздвигать ноги перед мужчиной. Они клялись, что ни одна из них никогда не принимала Артемидора в своей постели и не встречалась с ним в каком-то другом месте. В этом же угрюмо признавались знаменитые коринфские кинеды – любители мужской любви.

А Бавкида, прославленная, хоть и немолодая, жрица любви, а также наставница знаменитой школы гетер в Коринфе на матиомах³ по косметике и уходу за волосами, не далее как вчера сказала Лаис:

– Ох, не зря, не зря этому неприступному красавцу, засидевшемуся в холостях, было дано при рождении имя Артемидор, то есть дар Артемиды, дар богини-девственницы! Неведомо, знал ли он радости плотской любви, этот мужчина! Так что перестань думать о нем, дитя мое. Да, тебе не повезло с докимис – выпускным испытанием. Думаю, оно будет одним из тех, которое останется неисполненным...

И хотя Бавкида при этом печально шурила искусно накрашенные глаза и сокрушенно качала великолепным париком (она прибыла с Крита, а там, как известно, искусство изготовления париков и косметики считалось непревзойденным еще в те времена, когда Тезей сражался с Минотавром, а Афины были всего лишь небольшой крепостью на скале!)⁴, но Лаис почудилось, что сочувствие, которое звучит в голосе старой мымры Бавкиды, приправлено изрядной толикой злорадства. Ведь она и сама пыталась соблазнить Артемидора, получила отпор – и ее уязвленное тщеславие тешит, что и Лаис, пока еще аулетрида⁵, которой все пророчили блестящую будущность на службе Афродите Пандемос, покровительнице вольной и продажной любви, – что и Лаис потерпит поражение, и она пополнит ряды женщин и мужчин, отвергнутых Артемидором, которого прозвали Апрозитосом, то есть Недоступным...

Но довольно этих унылых мыслей, а то Лаис утонет в них и не найдет в себе сил решиться сделать то, что задумала! А ведь храбрости ей не занимать, не зря же на языке сарацин ее имя значит «львица»! А львице не пристало так долго таиться тут, около ограды, под прикрытием буйно цветущего куста тамариска! У Лаис даже ноги занемели от долгого сиденья на корточках, а голова кружится от сладкого запаха пышных лиловых гроздьев. Уже достаточно стемнело, чтобы проскользнуть незамеченной через двор. Сейчас она или разгадает тайну Артемидора и отыщет путь к его сердцу (вернее, к телу, ведь именно это необходимо Лаис, чтобы успешно пройти испытание и удостоиться звания гетеры!), или признает, что насмешки и презрение зловредной Мауры, ее соученицы в школе гетер и первой же неприятельницы и ненавистницы, были всегда справедливы и Лаис на самом деле ни на что не годна. И особенно обидно будет, если Маура свое весьма непростое испытание – соблазнить кинеду, то есть любителя мальчиков, – пройдет успешно...

Вся надежда на Афродиту! С тех пор как богиня явилась однажды ей, еще девочке, которую тогда звали просто Доркион, Маленькая косуля, и предсказала, что та станет служительницей прекрасной богини любви, она не оставляла Лаис своим попечением, своими подсказками и даже спасала ей жизнь. Неужто не поможет и сейчас, не подсобит совратить Артемидора?!

² Сутенеры (*греч.*).

³ Матиома – урок (*греч.*).

⁴ То есть во времена незапамятные. Тезей, сын Эгея, царя Афин, победил на Крите человеко-быка Минотавра, после чего древняя критская цивилизация погибла, а «дикари» эллины, ранее подавляемые критским владычеством, обрели свободу и объединили многие свои племена под властью Тезея.

⁵ Аулетридами называли учениц школы гетер, а также флейтисток и танцовщиц, приглашаемых на симпозиы – пиры знати.

Однако Лаис опасается слишком уж полагаться на богиню, ибо та известна своим капризным нравом, да и мужчин она любит куда больше, чем женщин... Впрочем, ее ведь не может не злить холодность Артемидора, ведь пылкая Афродита не терпит людей, попусту расточающих бесценные дары богов – красоту и молодость, которые мимолетны и неуловимы. А поскольку Афродита покровительствует гетерам, она, наверное, обижается, что этот Апрозитос отвергает ее служительниц...

– Помоги мне слиться с ночью, Афродита Панихида!⁶ – тихонько прошептала Лаис, сдерживая с себя хламиду, переворачивая ее другой стороной и вновь прячась под ней.

Хитрость тут состояла в том, что она сшила вместе две хламиды – серую, под которой ее было непросто разглядеть возле светлой ограды, и черную, которая скрывала ее в темноте.

Лаис прикрыла лицо краем хламиды и на цыпочках побежала через двор, заодно помолясь и Сиопии, богине тишины, чтобы помогла не на шуметь и не привлечь внимание. Не хочется даже думать о том, что ждет Лаис, если ее заметят и поймают!

Ее ведь вполне могут принять за воровку. А за кражу карают жестоко... Если преступник пойман с поличным при свете дня, его ждет жестокая порка, а потом его отдадут в руки пострадавшего, который сам решит, добавить ли что-то от себя. Ну а вора, схваченного ночью, разрешалось тут же убить.

Конечно, у Лаис нет ничего в руках, но ведь злобный человек ее и оговорить может. Покажет какую-нибудь вещь, которую она якобы взяла, да бросила, когда поняла, что не сможет сбежать. Поди докажи, что тебя оболгали! Конечно, Лаис прославилась на весь Коринф и чуть ли не на всю Элладу⁷, когда чуть больше полугода назад нашла в подземелье знаменитого храма Афродиты тайное святилище Кибелы и помогла уничтожить жреца, приносившего там кровавые жертвы. Конечно, весь Коринф, можно сказать, обязан своим процветанием непревзойденному мастерству служительниц Афродиты Пандемос, изведать ласки которых съезжаются мужчины из самых дальних пределов Ойкумены. Однако... однако все замужние женщины города – враги гетер! Разумеется, есть жены и у членов ареопага, городского совета, которые решают судьбу воров, и эти почтенные супруги примутся сверлить злобными речами уши своим мужьям до тех пор, пока одна из «этих потаскух» не будет примерно наказана.

Конечно, она может признаться, что пыталась исполнить свое выпускное испытание. Тогда ее не тронут, потому что за причинение вреда аулетриде во время испытаний карает Афродита. Однако нетрудно вообразить, какой град насмешек и оскорблений обрушится на ее голову! Люди с большим удовольствием насмеются над теми, кто прославлен, радуются их неудачам.

Нет, если уж она попадется, то пусть ее лучше и в самом деле убьют на месте, чем подвергнуться унижениям!

А может быть, перебраться через ограду и уйти восвояси, признав свое поражение?!

Внезапно Лаис во что-то уткнулась, да так сильно, что зашибла плечо. Очнувшись от своих унылых дум, она обнаружила, что уже перебежала двор – и даже не заметила, как это сделала!

Теперь она стояла около стены дома, вернее, невысокой пристройки к тому крылу, в котором размещались покои Артемидора. Он жил в самой старой, судя по виду камней, части дома, а вообще строение это принадлежало к числу старейших в Коринфе: оно было даже более древним, чем храм Афродиты! Уже который век обитала здесь семья Артемидора... Но знатный род, начало которому когда-то положил Главк, чье имя теперь носят все его потомки, может вымереть и кануть в Лету, если единственный сын Ксантоса Главка, Артемидор, так

⁶ Афродита Ночная (*греч.*).

⁷ Так в описываемое время называли Грецию.

никогда и не женится ни на одной из тех многочисленных юных дев, которых предлагали ему в супруги.

– Это будет очень обидно, – пробормотала Лаис. – Конечно, покровительница крепких браков Гера не слишком любит нас, соблазняющих мужчин и побуждающих их изменять супругам... Но, может быть, она поймет, что я служу сейчас не только Афродите, но и ей? Может быть, если я выведаю тайну Артемидора, его удастся на ком-нибудь женить? Помоги, о супруга Зевса, умножить ряды твоих покорных рабов!

Лаис стало не по себе от того, что она как бы торгуется с Герой. А впрочем, тут же успокоила она себя, разве всякая мольба – не подобие торга? Человек просит великих богов сделать то-то или то-то, а взамен обещает заколоть в жертву им козленка, возложить на алтарь цветы, воскурить благовония... О, такой красавец, как Артемидор, – вполне достойная жертва для любой богини, гораздо лучше какого-то там тельца!

Уверяя себя, что теперь не только Афродита, но и Гера на ее стороне, Лаис еще раз перевернула хламиду – вновь светлой стороной вверх, накинула на себя и, ставя ноги в выступы каменной стены, цепляясь за крепкие лианы плюща, проворно взобралась на крышу пристройки, где и затаилась, уповая на то, что ее невозможно разглядеть под прикрытием светлой ткани.

Крыша была сложена из плоских, тщательно отесанных плит, однако кое-где на ней были сложены груды камней – возможно, здесь собирались построить еще какое-то помещение, да так и оставили приготовленные камни. За ними и пряталась Лаис.

Наконец она решилась выглянуть.

Окно спальни Артемидора было прямо напротив, и там уже горел огонь в светильниках. Они напоминали две изящные округлые корзины, сплетенные из затейливо перекрученной бронзы и стоявшие на треножниках. В каждую «корзину» была вставлена чаша из прочного, толстого, но совершенно прозрачного стекла, которое делали только на Тринакрии⁸, особым образом обрабатывая громадные куски сплавленной породы, которая вылетает из жерла вулкана Этна.

Все знают, что Этна извергается, когда бессмертный Энкелад, которого Афина придала горой во время гигантомахии, войны богов против гигантов, пытается выбраться на волю. Впрочем, Лаис приходилось также слышать на матиомах по теологии, будто на Этне живет сам Гефест, бог огня и покровитель кузнечного ремесла, и вулкан извергается, когда божественный кузнец начинает раздувать мехи своей наковальни. Было также упомянуто, что некий философ Эмпедокл из Акраганта (там жил народ, называвшийся сикели⁹) бросился в кратер Этны, желая, чтобы его почитали как бога. Может быть, конечно, жители Тринакрии его и обожествовали, однако во всей прочей Элладе, а также, очень может быть, и на самом Олимпе об этом и слухом не слыхали!

Изделия из тринакрийского стекла, особенно чаши для светильников, стоили баснословные деньги благодаря своей прочности и прозрачности, и раздобыть их было очень трудно! Такие чаши Лаис прежде видела только в доме знаменитого художника Апеллеса, наложницей и натурщицей которого она когда-то была в Афинах...

Лаис привычным вздохом отдала дань воспоминаниям о той любви и ревности, которые некогда сжигали ее сердце и чуть не заставили погубить Апеллеса, очернив его перед самым царем Александром Великим, и которые в конце концов привели ее в Коринфскую школу гетер. Она принялась было разглядывать изысканную, хоть и очень простую обстановку

⁸ Так в описываемые времена эллины (древние греки) называли Сицилию, омываемую тремя морями и по форме похожую на треугольник.

⁹ Сикели (римский вариант – сикулы) – племя италийского происхождения. После того, как римляне завоевали Сицилию (примерно через сто лет после описываемых в этом романе событий) и выбили оттуда эллинов, они стали называть остров по имени этого племени, родственного с римлянами-италийцами.

спальни Артемидора, как вдруг открылась небольшая медная дверь и в спальню вошел седоволосый мужчина.

Он выглядел еще очень крепким, хотя и ссутулился под тяжестью прожитых лет и гнетом множества забот. Окинул комнату цепким взором, словно проверяя, все ли тут в порядке, и глянул на крышу, где пряталась Лаис.

Лаис невольно зажмурилась, боясь, что человек – это был тот самый Мавсаний, о котором ей рассказывала Сола, – заметит блеск ее не в меру любопытных глаз... Но все обошлось: Мавсаний спокойно отвел взгляд и посторонился, пропуская высокого молодого человека, при виде которого Лаис невольно затаила дыхание.

Она не раз видела Артемидора, привыкла к его красоте, к тому же сердце ее вовсе не было пронзено Эросом и следить за Артемидором ее заставляла только необходимость пройти выпускное испытание – соблазнить того, кого указали жрицы храма. И если аулетрида не справится с испытанием, то она лишается возможности быть гетерой. Служить при храме Афродиты, отдаваясь любому. Или, еще хуже, портовый притон... Мысль об этом сводила Лаис с ума. Но неприступный Артемидор!.. Однако, наверное, не нашлось бы женщины, сердце которой не дрогнуло бы при виде этого высокого красавца с крупными кольцами черных кудрей и черными глазами в обрамлении длинных загнутых ресниц. Судя по разрезу этих удлинненных глаз и бронзовой коже, в Артемидоре было немало критской крови. Сложением он отличался великолепным, хотя напоминал скорее изящного танцора, чем могучего борца, двигался легко и стремительно, однако поклонники грозной мужественности, возможно, сочли бы, что ему не мешает поднабрать веса.

– Принеси воды, Мавсаний, – сказал Артемидор голосом, который мог бы искушить самую неприступную из служительниц Геры. – Я жажду соединиться с нею, но должен быть чист и благоуханен.

С нею?! Лаис насторожилась. Неужели к Артемидору сейчас явится его возлюбленная?! Неужели повезло и Лаис сможет проникнуть в его тайну?!

– Все готово, мой господин, – сказал Мавсаний, и Лаис заметила, что в углу комнаты уже стоит большая чаша с водой, а также расстелен тугой коврик, сплетенный из холщовых лент и отлично впитывающий воду.

Мавсаний помог Артемидору раздеться, тот встал на коврик – и Лаис стала невольной свидетельницей его неспешного омовения.

Не без удовольствия, надо признать, наблюдала она за этой процедурой! Тело Артемидора было прекрасным, мужская оснастка – весьма впечатляющей, и Лаис подумала, что на матиомах, посвященных изучению мужского тела и тонкостям обращения с самыми чувствительными его местами, Артемидор был бы отличным фронтистирио¹⁰.

К сожалению, сейчас в школе гетер роль фронтистириос исполняли прекрасные мраморные статуи богов и героев. Они в изобилии имелись в храме Афродиты и изображали ее многочисленных любовников: от Ареса, бога войны, до прекрасного Анхиза, породившего Энея – одного из героев великой Трои.

Еще совсем недавно школа держала красивых, молодых, а главное – сильных рабов, обладавших выдающимися статями, с чьей помощью совершенствовали свое мастерство будущие гетеры. Но после того, как евнух Херея принес всех этих рабов вместе с их мужественностью в жертву ненасытной Кибеле, нынешняя Никарета, великая жрица Коринфской школы гетер (надо сказать, что все великие жрицы носили это имя в память первой Никареты, несколько столетий назад основавшей школу), не покупала новых. Еще не изгладились ужасные воспоминания об этих молодых изуродованных оскотлением телах, валявшихся в залитых кровью клетках, где держали рабов!

¹⁰ Учебное пособие (греч.).

Никарета словно бы опасалась, что культ кровожадного божества, которому тайно служила ее предшественница вместе со своим сыном Хереей, может возродиться, если чудовищная статуя Кибелы, замурованная в подземелье, прознает о том, что наверху появились новые мужчины, исполненные плотского сладострастия.

Причины эти были вполне понятны гетерам, однако одно дело – гладить холодные мраморные чресла, в которых никогда не вспыхнет любовный огонь, или обучаться владению мышцами лона с помощью лоури, искусственных фаллосов, – и совсем, ну совсем другое – ласкать живое тело и ощущать внутри себя живую, дарующую наслаждение плоть.

Лаис вдруг поняла, что жаждет успешно пройти свое выпускное испытание не только потому, что это означает быть посвященной в гетеры. Она ощутила желание потрогать Артемидора, вволю поласкать это обнаженное тело, которое будет содрогаться от страсти, а главное – показать Артемидору, какое несравненное наслаждение может доставить ему изощренное долгими тренировками лоно Лаис! И еще ей хотелось, чтобы он смотрел на нее, и восхищался ее красотой, и сжимал ее в объятиях...

Лаис презрительно улыбнулась своим мечтам. Влюбленная гетера – о Афродита Пасасмена, Афродита Страстная! – ну что за нелепость! Влюбленная гетера – это обыкновенная женщина, а не владычица мужских страстей, не повелительница мужских желаний! Влюбившись, она дает мужчине власть над собой, и тогда он сам повелевает ею – а она становится игрушкой в его руках! И Лаис постаралась вновь думать об Артемидоре только как об идеальном фронтистии, с которым можно было бы как угодно забавляться на матиомах.

– Не сомневаюсь, это заставило бы тебя забыть о твоей хваленной неприступности, особенно если бы за дело взялись мы с Гелиодорой! – пробормотала Лаис насмешливо.

Гелиодорой звали ее лучшую подругу, и она обещала, по мнению наставниц школы гетер, сделаться столь же обольстительной и изощренной в искусстве плотской любви, как Лаис. Собственно, они были, на зависть прочим аулетридам, лучшими ученицами, им прочили блестящее будущее... Но для того, чтобы эти надежды сбылись, надо было всего-навсего пройти выпускное испытание.

Когда девушки только поступили в школу, их страшали множеством грядущих испытаний. Мол, придется соблазнить кинеда, и какую-нибудь важную персону публично, и неприступного, и отдаться первому попавшемуся на глаза мужчине... Однако так уж вышло, что лишь только Лаис и Мауре выпали самые трудные жребии: одной – соблазнить неприступного, другой – кинеда. Остальным девушкам предстояло соблазнение случайных мужчин, которых, опять же, выберет жеребьевка. В числе этих девушек была и Гелиодора. Это задание считалось не столь трудным: в конце концов, какой мужчина устоит перед юной красавицей, обученной всем тайнам соблазнения?!

Лаис беспокоилась только об одном: а вдруг любовник, предназначенный Гелиодоре, окажется каким-нибудь гнилозубым, отталкивающим уродом?! Всем известно, что гетера сама выбирает поклонников и гостей... Но это правило, увы, не касается аулетриды на выпускном испытании!

Между тем омовение прекрасного Артемидора закончилось. Мавсаний поднес ему большое бронзовое зеркало, и Лаис вздохнула с невольной завистью: хорошие зеркала, которые отражали черты и цвета точно, без искажений, стоили дорого, полировка бронзы была делом очень сложным, и даже гетеры могли похвалиться только зеркалами величиной с ладонь. Мавсаний же подал своему господину зеркало, в котором Артемидор отразился по пояс.

Красавец остался, похоже, доволен своим видом и сделал несколько глотков из чаши, которую подал ему раб. Затем он наклонился над одним из сундуков, которыми и в самом деле была загромождена спальня. Оттуда были извлечены несколько кусков тонких разноцветных тканей, из другого – карфиты, из третьего – ожерелье. Постояв около вешалки с сандалиями, Артемидор только вздохнул, но не взял ни одной пары.

Вслед за этим Мавсаний, не спускавший глаз с господина, накинул ему на плечи алую хламиду, а затем не без усилия сдвинул с места один из светильников. И Лаис не поверила своим глазам, увидев, что стена, перед которой стоял Артемидор, как бы попятилась перед ним, и он шагнул в образовавшийся темный проем, приняв свободной рукой от Мавсания небольшую масляную лампу.

Через несколько мгновений фигура Артемидора исчезла в темноте.

Мавсаний собрал таз, губку, мокрый коврик и унес их, а Лаис изумленно таращилась на этот темный провал в стене.

Там, значит, какой-то потайной ход...

В прошлом году Лаис побывала в одном таком потайном ходе, где чуть не погибла, поэтому ее начало знобить, едва она об этом вспомнила. Ни от потайных ходов, ни от подземелий она не ждала ничего хорошего!

Неужели Артемидор держит свою любовницу в заточении? Но одна ли она там? Может быть, для него тайно похищают молодых красавиц? Привозят их в Коринф из других городов?

Лаис слышала множество ужасных рассказов о пропадавших девушках: даже тел их потом не находили! Досужие кумушки болтали, что злодеи, вволю натешившись красотой и невинностью, продавали бедняжек потом в дальние края, за пределы Аттики.

Да нет, не может быть, чтобы такой красивый мужчина, которому стоит лишь знак подать – и множество чаровниц слетятся к нему с надеждой на ласку, – разменивался на разбой! Хотя человеческая природа – вещь загадочная, страсть иной раз способна изменить мужчину до неузнаваемости!

Лаис размышляла, что ей делать: отправиться восвояси, пока не заметили, или все же дожждаться возвращения Артемидора. Однако она уже устала лежать на каменной крыше; к тому же ворота школы с наступлением темноты закрывались накрепко, около них ставилась охрана, и хотя подруга Гелиодора должна была караулить около боковой калитки, ключ от которой загодя был украден у привратника, Лаис не хотела заставлять ее ждать слишком долго. А вдруг кто-то заметит, что одна из аулетрид притаилась у ворот? Еще решат, что поджидает тайного любовника, а это строжайше запрещено и грозит серьезным наказанием!

Но разве можно вернуться ни с чем сейчас, когда комната пуста, в нее можно перебраться с крыши пристройки – и хотя бы одним глазком взглянуть, куда отправился Артемидор! Попытаться проникнуть в его тайну!

Может быть, он и в самом деле преступник и злодей. Тогда его нужно изобличить.

Лаис уже совсем было собралась перемахнуть через подоконник, как вернулся Мавсаний. Страшно подумать, что случилось бы, если бы она не замешкалась, колеблясь! Верный раб не задумываясь убил бы ее!

Мавсаний заглянул в темный проем в стене, прислушался, покачал головой – и свернулся калачиком прямо на полу, словно пес, охраняющий незапертый дом. Видимо, Артемидор намеревался остаться у любовницы на всю ночь, а Мавсаний терпеливо ожидал его появления.

Лаис вздохнула. Ну что ж, придется возвращаться ни с чем.

Хотя почему ни с чем? Она разузнала, как открывается потайная дверь! Теперь надо найти возможность проникнуть в комнату Артемидора в его отсутствие – и открыть эту дверь.

Вообще-то судьба на ее стороне! Через несколько дней назначен храмовый праздник Афродиты Пандемос, в котором примут участие все горожане. К этому дню приурочены первые выпускные испытания в школе гетер. Это испытания по теологии и танцам. Обычно весь цвет города собирается взглянуть на них, кроме того, съезжаются ценители красоты, ума и образованности – а именно этим отличаются коринфские гетеры от прочих женщин, продающих любовь! – из Афин и даже других полисов Эллады. Некоторые из них задержатся еще на неделю, когда придет время подводить итоги главного испытания – соблазнения мужчины.

Артемидор непременно будет на первых испытаниях вместе с прочими богатыми и знатными коринфянами. После их окончания устраивается грандиозный пир, на котором аулетриды впервые появляются перед всеми горожанами обнаженными. Может быть, Лаис повезет – и она завлечет Артемидора в свои сети? Ну а если нет... Придется улучшить мгновение и тайно забраться в его дом. Сола, конечно, поможет! Она жадна, а Лаис не поскупится ради своей цели.

Девушка огляделась – вокруг царила тишина, двор был пуст – и начала спускаться с крыши пристройки, надеясь, что делает это бесшумно. Однако спускаться оказалось трудней, чем подниматься. Босая нога соскользнула с предательского камня, и Лаис чуть не сорвалась. Кое-как удержалась, вцепившись пальцами в стену!

– Кто здесь? – послышался сверху окрик.

Мавсаний услышал шум и подошел к окну!

Лаис вжалась в стену.

– Да что такое? – проворчал Мавсаний. – Надо пойти посмотреть!

Хвала богам, он с годами, как и многие старики, обрел привычку разговаривать сам с собой!

Не дожидаясь, пока слуга появится во дворе, Лаис кинулась к стене, ограждавшей поместье Главков.

Да, подниматься и в самом деле легче, чем спускаться! Миг – и она уже сидела верхом на стене. Перекинула через нее обе ноги, спрыгнула, даже не успев взмолиться Афродите, чтобы не угодить в один из колючих розовых кустов, которыми были обсажены уголья Главков со стороны городской улицы. Однако повезло и без молитвы.

Удачно приземлившись на четвереньки, Лаис пустилась наутек.

Через несколько быстрых шагов она остановилась и прислушалась. Шума погони не слышно. Наверное, Мавсаний решил, что ему почудилось или что на крышу забралась ласка.

Рассказывали, что для многих хозяев эти зверьки становились истинным бедствием, зато они лихо уничтожали мышей, которые, в свою очередь, тоже были немалым бедствием, поэтому хозяева предпочитали покрепче запирают курятники, а не ставить силки на ласок.

Кругом царила темнота, ночь выдалась безлунная и беззвездная, лишь изредка мелькали огоньки в окнах тех домов, которые не прятались под прикрытием ограды. Однако впереди, словно огромная звезда, сиял огонь на самой высокой башне храма Афродиты Пандемос, и к этой путеводной звезде стремилась Лаис.

Глаза постепенно привыкли к темноте, и она уже не рисковала врезаться в какую-нибудь стену или повернуть не в тот проулок.

Коринф, школа гетер

Вскоре Лаис дошла до храма. Поднялась на сорок ступеней и двинулась вдоль стены, ограждавшей школу, осторожно, ведя ладонью по шершавым камням.

Вдруг что-то пискнуло под ногой. Лаис от неожиданности поскользнулась и вцепилась в стену, чтобы не упасть. Но тотчас раздалось недовольное мяуканье, и она слабо улыбнулась.

Это кошка, всего-навсего кошка! Иногда в подземельях храма появлялись крысы. Даже храбрые ласки старались держаться от них подальше. И недавно Никарета, верховная жрица и начальница школы, велела поселить в храме кошек. Все они были злые, неласковые – вовсе не такие, которых Лаис видела когда-то в Афинах: причесанных, приглаженных, украшенных разноцветными нитяными косичками, милых, ласковых, хотя и своенравных полосатых красавиц. Здешних полудиких кошек не больно-то погладишь!

– Брысь! – прошипела Лаис и услышала частый тупой стук: коринфские кошки почему-то бегали, отчетливо стуча лапами по камням. Говорили, что именно этот забавный топот пугает крыс до того, что они теряют разум от страха и убегают прочь целыми стаями. Лаис не знала, верить или нет, но крыс в храме и впрямь с некоторых пор почти не стало.

Она пошла дальше, стараясь ступать во всяком случае тише, чем кошка, и вот ладонь провалилась в пустоту.

Кажется, это выступ, в котором прячется потайная калитка.

Девушки нашли ее недавно. Скрытая со стороны двора пышно разросшимся кустом глицинии, которая ароматом своим вполне оправдывала свое название¹¹, она казалась заброшенной. Потом выяснилось, что калитка тщательно очищена от мха, засовы и петли смазаны. Правда, открывалась она не слишком широко, но вполне достаточно, чтобы стройное девичье тело проскользнуло в нее, не оцарапавшись.

Лаис и Гелиодора не сомневались, что этой же калиткой пользовался кто-то еще кроме них, может быть, даже наставницы, но чужие тайны их мало интересовали – свои бы сберечь!

– Ф-р-р... – чуть слышно выдохнула Лаис, подражая вспугнутой ночной птичке, и немедленно услышала в ответ такое же тихое:

– Ф-р-р!

Гелиодора ждет!

На душе сразу стало спокойней.

Тихо-тихо зашуршала по каменным плитам медленно открывшаяся тяжелая калитка.

Девушки быстро обнялись, радуясь, что ночное приключение закончено.

Гелиодора была закутана в такую же двойную хламиду, как у Лаис, а потому казалась совершенно невидимой в темноте.

– Наконец-то! – с облегченным вздохом шепнула подруга. – Я тут чуть не попала в ловушку.

– Что такое? – встревожилась Лаис.

– Пока ждала тебя, затаившись, вдруг услышала чьи-то шаги за стеной. Думала, это ты, и чуть было не ринулась отпирать калитку, как вдруг вспомнила, что не подан условный знак. Решила подождать, и что ты думаешь?! Калитка приоткрылась, и вошла Элисса. И задвинула за собой засов. Наверное, она тихонько выскользнула наружу уже после того, как ты ушла, и оставила калитку незапертой.

– Не может быть! – изумилась Лаис. – Элисса где-то шляется по ночам? Вот никогда бы не подумала, что она способна на такое!

¹¹ Гликос – сладкий (греч.).

Элисса некогда звалась Телефтая, Последыш. Впрочем, все девушки при поступлении в школу по приказу Никареты оставили прежние имена и взяли новые. Например, Гелиодора предпочитала не вспоминать, что ее некогда звали Алого – Лошадка – из-за гривы великолепных волос, а Лаис лишь изредка вспоминала о Маленькой косуле Доркион, как она звалась некогда.

Элисса была родом из Коринфа, из того местечка близ Лехейской бухты, которое называлось Тения.

Это было поселение в небольшой возвышенности, где в давние времена обосновались пленные, привезенные с острова Тенедос, который находится в северной части Эгейского моря. Именно тенийские рабы построили главные пристани Коринфа и проложили удобные дороги к бухте. Постепенно тенийцы растворились среди коринфян, однако название первого их поселения осталось, хотя жившие там люди и думать забыли о своих предках. Единственное, что их отличало от прочих коринфян, это слишком светлые, почти белые волосы, а еще то, что у многих из них на щеках и носу были щедро рассыпаны солнечные спреи¹².

Элисса была самой старшей из аулетрид и в учебе – одной из самых усердных. Правда, все наставницы как одна говорили: ей приходится упорным трудом добиваться того, что, к примеру, Лаис и Гелиодоре дается само собой.

Элисса, не скрываясь, завидовала подругам и держалась с ними отчужденно. Предметом ее особой зависти являлись прекрасные волосы Лаис и Гелиодоры: ее волосы были жидковаты, что очень портило ее довольно красивую внешность.

Элисса и от всех других девушек держалась несколько в стороне, ибо с ней было отчаянно скучно: она, чудилось, постоянно погружена в какие-то невеселые размышления.

Уж и то хорошо, что хотя бы противную Мауру она тоже недолюбливала. Лаис однажды видела, как Маура с ехидной улыбочкой что-то говорит Элиссе, а та смотрит на нее с бессильной злобой и не может сдержать слез...

– Может быть, Элисса тоже искала способ исполнить свое выпускное испытание? – предположила Гелиодора. – А как твои дела? Удалось что-нибудь сделать? Или узнать?

– Потом расскажу, – шепнула Лаис. – Мы тут слишком долго стоим! Бежим, а то еще принесет кого-нибудь!

Они на цыпочках побежали к ступеням, ведущим во внутренние помещения школы. Предстояло самое опасное: по пути к своему доматию, то есть комнате, где девушки спали и проводили свободное время, нужно было миновать несколько других комнат, двери которых выходили в большой общий коридор – дидромос.

Аулетриды делили один доматий на троих. Раньше вместе с Лаис и Гелиодорой жила добродушная толстушка Нофаро, однако она ужасно не хотела становиться гетерой и даже умудрилась сохранить девственность. Нофаро повезло выйти замуж за Дарея, надсмотрщика водоносов, который увез ее в Мегару.

По соседству с доматием Лаис и Гелиодоры жили Маура, Клития и Филлис.

Маленькая критянка Филлис была довольно добродушным созданием. Она неплохо относилась к Лаис и Гелиодоре, хотя в общих спорах всегда принимала сторону Мауры, которая подруг люто ненавидела, особенно Лаис. Рыжая Клития во всем вторила своей тайной любовнице – да, они с Маурой вовсю предавались лесбийским забавам, которые могли кому-то нравиться или нет, однако не были запрещены в школе, ибо гетеры должны были уметь удовлетворить любого, будь то мужчина или женщина. Некоторые наставницы даже порицали Гелиодору и Лаис за то, что они продолжают оставаться женщинами для мужчин, но подругам и в голову не приходило стать любовницами. Они очень любили друг друга, но начать лизаться и тереться друг о дружку – это казалось им немыслимым! Женские ласки внушали

¹² Спреи – брызги (греч.). Солнечными брызгами называли веснушки.

обеим истинное отвращение, которого они не пытались скрыть, за что Маура, истинная трибада¹³, еще больше их ненавидела.

Если бывает любовь с первого взгляда, то бывает и ненависть с первого слова! Стоило Лаис и Мауре впервые друг друга увидеть, как они начали ссориться. Маура не упускала случая оскорбить Лаис, да и та не оставалась в долгу. А потом, как бы невзначай, поссорила Мауру с ее любовником, евнухом Хереей, за что удостоилась и его ненависти, которая чуть не погубила Лаис.

Маура презирала мужчин для женщин, однако преотлично дружила с мальчиками и эфебами¹⁴, которые были предметами страсти кинедов, предпочитавших рассеивать свои плотские томления в мужском обществе. Она говорила, что эти мальчишки – ее лучшие друзья, они ей как братья.

– Мне всегда хотелось иметь братьев! – вздыхала Маура. – Но у моей матери больше не было детей. Я некоторых из этих мальчишек так и называю – братья, а они меня называют сестрой.

– Я тоже очень хотела брата, – вздохнула Гелиодора. – Но у моих родителей рождались только девочки.

– Будущие шлюхи! – хмыкнула Маура. – Вроде тебя.

– И вроде тебя, – спокойно ответила Гелиодора. – Но мне было бы необычайно тяжело узнать, что мой брат, окажется он у меня, отдается мужчине!

– Ты что, думаешь, мальчикам доставляет это удовольствие? – с презрением взглянула на нее Маура. – Они зарабатывают деньги, только и всего! Когда мне взбрело в голову с кем-нибудь из них поболтать, а их ждали любовники, я просто-напросто давала им деньги – и они забывали о любовниках. А мы превесело проводили время! За деньги они готовы сделать что угодно... Так же, впрочем, как любая шлюха.

Что и говорить, Маура не знала недостатка в деньгах. Мать внесла за нее богатый вступительный взнос в школу и постоянно присылала ей увесистые мешки с монетами, только бы дочь не возвращалась домой, в Фессалию. Маура, которая была порочна до кончиков ногтей, однажды, поссорившись с матерью, решила отомстить ей – и соблазнила не только своего отчима, но и его младшего брата. Именно после этого мать готова была платить любые деньги, чтобы никогда не видеть дочь!

Злоязычная, коварная, Маура была сущей змеей, и для Лаис и Гелиодоры сейчас, когда они ночью возвращались в свой доматио, не могло быть ничего хуже, чем попасться на глаза ей или ее приспешникам. Ну вот разве что наткнуться на саму Никарету, великую жрицу!

Они уповали на удачу, однако не судьба им была добраться до постелей без приключений! Гелиодора вдруг налетела на кого-то, лежащего в темноте поперек их пути, с трудом удержалась на ногах и не заорала только потому, что раньше всполошенно заорал этот неизвестный.

Вернее, неизвестная, ибо это кричала женщина!

Но уже через минуту девушки узнали ее голос.

Клития!

Верная тень Мауры!

Неужели она подстерегала Лаис и Гелиодору? Тогда подружки попались...

Перескочив через орущую Клитию, девушки понеслись к своему доматио, не чуя ног.

Они едва успели отбросить хламиды, содрать с себя хитоны – в помещениях храма следовало постоянно ходить голыми, ибо аулетриды должны привыкнуть без смущения выстав-
лять свое тело напоказ, – и плюхнуться на тюфяки, закрыв глаза и притворяясь спящими.

¹³ Слово «трибада» по-гречески означает – трущаяся.

¹⁴ Эфебами в описываемое время называли юношей 16–18 лет.

Однако поспать никак не удалось бы: в помещениях школы мгновенно поднялся шум, замелькали огоньки, отовсюду появлялись встревоженные наставницы со светильниками в руках.

Аулетриды высыпали из своих доматии в коридор. Теперь туда могли спокойно выйти и Гелиодора с Лаис.

Здесь в окружении сердитых наставниц стояла рыдающая Клития и пыталась объяснить, что ей было жарко спать на тюфяке и она решила охладиться на холодном каменном полу коридора. А потом ей приснилось, будто ее кто-то ударил, – и она закричала спросонок.

– А чем тебе не понравился пол в твоей собственной комнате? – спросила начальница школы Никарета, которая, конечно, появилась раньше всех. – Почему надо было улечься именно в коридоре?

– Здесь прохладней, – испуганно бормотала Клития, – здесь сквозняк.

И, словно в подтверждение своих слов, она расчихалась.

– Да ты простудилась, глупая! – сердито вскричала Никарета. – А ведь совсем скоро начинаются ваши испытания!

– Ты не тревожься, великая жрица, – послышался надтреснутый старушечий голос, который звучал едва слышно, однако как-то так, что долетал до каждого уха. – Дам я такое лекарство глупышке, что живо ее исцелится недуг... А заодно нам расскажет она, почему и зачем улеглась в темноте посреди коридора. То, что лжет эта глупая рыжая девка, для всех очевидно! Средства мои ей помогут язык развязать!

Гекзаметром в повседневной жизни выражался, насколько знала Лаис, лишь один человек на свете – старая-престарая наставница Кирилла, бывшая пифия Дельфийского оракула. Пребывание у подножия Парнаса¹⁵ было самым ярким эпизодом ее жизни. Именно поэтому Кирилла всегда изъяснялась так, будто беседовала с богами, а не с обычными людьми, и этим повергала аулетрид в священный трепет.

Кроме того, Кирилла преподавала будущим гетерам простейшие основы колдовства и травознайства, причем было с первого взгляда ясно, что ей-то известно неизмеримо больше, чем она открывает девушкам, поэтому ее еще больше страшились.

Лаис тоже побаивалась старую колдунью, хотя знала, что Кирилла относится к ней превосходно и даже не раз помогала своей хитрой наукой.

Бедняжка Клития рухнула перед бывшей пифией на колени и, беспрестанно чихая (наверное, теперь больше с перепугу, чем от холода!), стала заверять всех в своей правдивости.

– Ты поклянись Афродитой, о рыжая лгунья, тогда мы поверим, – предложила Кирилла с откровенной насмешкой. – Но не забудь, что жестоко карает богиня тех, кто ее именем ложь прикрывает!

Клития умолкла, словно подавилась. И в это мгновение неподалеку раздался звон – ударили в медный диск.

– Клянусь священными жертвами, кто-то проник в подземное хранилище! – вскрикнула Никарета, и в голосе ее звучал такой ужас, что шум мгновенно стих.

Лаис покачнулась. Она однажды оказалась в подземелье храма, и это до сих пор оставалось ее самым страшным воспоминанием. Жуткие картины, увиденные ею в тайном святилище Кибелы, мгновенно промелькнули перед глазами. Эти картины иногда являлись ей в ночных кошмарах и заставляли просыпаться в ледяном поту, какая бы жара ни стояла в эту пору. И самым ужасным для нее было даже просто вообразить, что древний, кровавый, беспощадный, отвратительный культ может воскреснуть. Вот и сейчас – увидев приближающегося толстого

¹⁵ Одна из священных гор Древней Греции, у подножия которой находилась священная роща Аполлона – обиталище Дельфийского оракула.

человека в белоснежном хитоне с факелом в руке, Лаис почувствовала, что у нее подкашиваются ноги.

Херея! Мстительный евнух Херея, который однажды оскотил всех храмовых рабов и принудил к оскотлению множество других мужчин и женщин, чтобы насытить ненасытимое лоно каменной Кибелы! Лаис зря надеялась, что труп его уже сгнил в замурованном подземном храме! Херея выбрался оттуда с помощью кровавой Кибелы. Вышел – и идет к Лаис, чтобы отомстить...

В это мгновение чья-то крепкая рука подхватила девушку и с силой встряхнула.

Гелиодора! Она знала обо всех тайных страхах подруги и сейчас угадала, что именно ей почудилось.

– Успокойся, – шепнула она. – Это всего лишь Галактион. Наш добряк Галактион!

По традиции, неведомо почему установленной еще первой Никаретой, хранителем подземных хранилищ обязательно должен быть евнух. Херея ведал также присмотром за рабами и наказаниями, и вот эту последнюю обязанность Херея исполнял с особенным наслаждением!

Галактион, которого взяли в храм после гибели Хереи, оказался совсем другим. Он не тяготился своим положением полумужа, что, к примеру, для Хереи являлось источником постоянной зависти и ненависти ко всем, кому доступны плотские наслаждения. Галактион относился к аулетридам с братской заботливостью и всегда был готов прикрыть их мелкие провинности.

Но, как немедленно выяснилось, не все и не всегда!

Девушки с изумлением разглядели, что Галактион тащит за собой Мауру, которая держала в руках целую охапку... лоури! И как ни были все напряжены и встревожены, они не могли не расхохотаться.

Лоури у коринфских гетер то же самое, что у афинских – олисб. Это искусственный фаллос, изготовленный из обожженной глины, или деревянный, золотой или серебряный, иногда обтянутый тканью или самой мягкой кожей. Это неременная принадлежность всякой гетеры, которой иногда приходится удовлетворять своих посетителей и посетительниц самыми причудливыми способами. После того, как гетеры умирали или, постарев, прощались со своим ремеслом, их лоури – весьма поношенные, стертые от частого употребления, заслуженные и почтенные, – отправлялись в подземное хранилище коринфского храма Афродиты.

– Теперь понимаю, что делала здесь эта рыжая лгунья, – сказала Кириллa, указывая на Клитию. – Вовсе ей не было жарко на ложе! Она караулила Мауру, очевидно, ревнуя, что милая сердцу трибада слишком уж задержалась, разными мощными лоури свой передок услаждая! А ведь тебе, фессалийка, баубон скорее пригодится, ежели вспомнить о страсти твоей обрабатывать девок, – грубо пошутила Кириллa, и все вокруг так и зашлись хохотом.

Баубон использовала в своих любовных игрищах именно та трибада-лесбиянка, которая изображала мужчину. В отличие от лоури или олисба, которые держали в руке, баубон привязывали тонкими кожаными полосами к бедрам, чтобы он торчал на передке и чтобы извращенное воображение могло принять его за настоящий фаллос.

– Да я и искала баубон, – огрызнулась Маура, которая нимало не была смущена тем, что ее застигли за воровством из священного хранилища.

– Неужели?! – возмущенно воскликнула Никарета. – Какая наглость! И ты в этом так спокойно признаешься?!

– Но ведь мне нужен баубон, чтобы пройти выпускное испытание! – гордо заявила Маура, и все мигом притихли.

Успешно пройденные всеми гетерами выпускные испытания – дело настолько серьезное и важное для репутации храма, что наставницы обычно закрывают глаза на некоторые нарушения правил и всячески помогают аулетридам советами.

Скажем, еще месяц назад аулетридам было строжайше запрещено выходить из храма днем без сопровождения наставниц. Но теперь самых красивых девушек стали приглашать на симпозиы наравне с опытными гетерами, и пребывание вне храма днем или вечером до полуночи вполне дозволялось, тем более если это могло помочь девушке найти способ пройти выпускное испытание. Правда, отправляться на симпозиы и возвращаться оттуда они должны были только в сопровождении Галактиона и ни в коем случае не могли задерживаться на всю ночь.

Все знали, что Мауре выпал жребий совершить одно из самых трудных дел, какое только доступно гетере: совратить любителя мужской любви, кинеда. Для этого, что называется, все средства были хороши, и Никарета, которая это прекрасно понимала, произнесла уже спокойней:

– Баубонов ты не найдешь ни в одном из наших хранилищ. Мы считаем их вредными игрушками. Женщина не должна пытаться изменить свою природу и изображать из себя мужчину! Единственный баубон, который заслуживал бы чести оказаться в нашем хранилище, – тот, которым некогда поигрывала великая Сафо. Однако ее почитательницы сбросили этот баубон с той же Левкадской скалы, с которой кинулась и она сама. Они хотели, чтобы он служил Сафо на полях асфodelей так же верно, как служил на родном Лесбосе. К тому же любой мужчина, к которому ты явишься с привязанным баубоном, изображая Эфеба, или со смеху умрет, или убьет тебя на месте. Так что тебе придется придумать что-то другое. Ну, довольно. Все отправляйтесь спать!

Никарета направилась к своим покоям.

Девушки послушно начали расходиться, чтобы успеть поспать до рассвета, который был уже не за горами.

Но Маура не спешила в свой доматио. Она подошла к Клитии и злобно прошипела:

– Чего ты орала? Всех всполошила! Дура! Ты мне надоела своей глупостью, больше не жди, что я буду играть с тобой в прежние игры!

– Маура, прости! – всхлипнула Клития. – Я закричала от боли, потому что меня кто-то неожиданно пнул! Кажется, в темноте о меня кто-то споткнулся!

– Споткнулся? – насторожилась Маура. – Ты хочешь сказать, что кто-то бродил в темноте по коридорам школы? А ведь это запрещено... Кто бы это мог быть?

И она повернула голову в сторону Лаис и Гелиодоры.

Что и говорить, в сообразительности вредной Мауре нельзя было отказать!

Гелиодора мигом шмыгнула в свой доматио, Лаис ринулась за ней, однако ей вдруг показалось, что кто-то тронул ее за плечо.

Она резко обернулась, не сомневаясь, что это Маура, и готовясь дать отпор, но за спиной никого не было. Вредная фессалийка уже вошла в свой доматио. Лишь в другом конце коридора стояла Кирилла и пристально смотрела на Лаис.

«Ох и наплачешься ты из-за этого когтя!» – прозвучал в голове голос бывшей пифии, и холодок пробежал по обнаженной спине.

«Какого когтя?!» – чуть не спросила Лаис, однако Кирилла уже повернулась – и маленькими старческими шажками устремила к своим покоям.

Лаис вошла в темный доматио, ощупью нашла свою постель и села на нее, прижав руки к тревожно колотившемуся сердцу.

Померещились ей слова Кириллы? В прошлый раз предупреждение старой колдуньи оказалось пророческим – Лаис чуть не погибла в святилище Кибелы...

Коготь? Кирилла говорила о когте?

Но ведь коготь – это данкана! Накладной ноготь!

Лаис ощупала пальцы – да так и ахнула.

На указательном пальце правой руки данканы не было! Лаис ее потеряла!

Она не могла в это поверить.

Надо же было умудриться потерять данкану! Вот жалость-то! На свои данканы Лаис потратила целое состояние – двенадцать драхм. Рачительный хозяин мог козу купить за эти деньги!

Выросшая в нищете и ставшая богатой лишь благодаря баснословной щедрости своего бывшего любовника, знаменитого художника Апеллеса, который и отправил ее в Коринфскую школу гетер, Лаис не была жадной, но все же умела считать деньги. Обучение в школе стоило дорого, но еще дороже обходились все те мелочи, без которых невозможно сделаться истинной гетерой, ухоженной красавицей. Взять хотя бы данканы... Они совершенно преобразали пальцы женщины, но то ломались, то терялись, а ведь каждый был плодом долгих трудов!

Моду на длинные и остро заточенные – не зря их называли данканы, то есть когти! – накладные ногти завезли в Элладу из Египта приближенные великого императора Александра. Рассказывали, будто умельцев, которые ухаживали за ногтями тамошних властителей-фараонов, настолько ценили, что даже хоронили в одних гробницах со своими господами!

Мастерицы брали за готовые данканы поистине несусветные деньги, но в Коринфской школе с недавних пор ввели матиомы по уходу за руками и изготовлению данкан. Преподавала на этих матиомах уже упоминавшаяся Бавкида. Данканы делали из особой вязкой и душистой древесной смолы, которую называли комми и которую завозили из каких-то еще более южных стран, чем Египет. Комми немного напоминала обычную древесную смолку, которую Лаис – в ту пору просто Доркион – ела в детстве, обирая ее с яблонь и вишен, однако комми была куда более жесткой, не растворялась в воде и хорошо держала на себе особые краски, которые выдумали все те же изобретательные египтяне.

Впрочем, приличные элинки, замужние жены, хоть и любили ухаживать за собой, все же презирали накладные ногти – или, еще вероятней, жалели тратить на них деньги. Кроме того, заниматься домашними делами в данканах было, что называется, не с руки. Поэтому гетеры очень быстро, так сказать, прибрали к рукам эту привилегию – щеголять с разноцветными данканами на пальцах. Однако наставница Бавкида презрительно морщила нос при виде этого разноцветья и уверяла, что данканы на обеих руках должны быть одного цвета или с одинаковым узором.

Лаис долго не давалось мастерство изготовления данкан, и вот наконец позавчера у нее получились десять почти совершенных по форме миндалевидных скорлупок, которые, чуть разогретые на огне, плотно прилегли к ее естественным ногтям и сделали пальцы маняще длинными и изящными.

На первых порах аулетриды, надевшие данканы, не могли даже струны кифары ущипнуть: все из рук валялось без привычки! Бавкида советовала носить новые ногти не снимая, чтобы привыкнуть к ним. Вот Лаис и не снимала их... Нет, но какая глупость – отправиться искать ночью приключений, не сняв драгоценных данкан! Теперь придется мастерить новую для указательного пальца. Однако еще неизвестно, удастся ли подобрать точно такой же цвет и узор. Как назло, кончилась зеленая краска...

Вот жалость! Завтра ей предстояло быть на симпозиисе у коринфского судовладельца Клеарха Азариаса... И он сам, и все его друзья давно восхищались Лаис и обещали стать ее постоянными любовниками, когда она сможет называться настоящей гетерой.

Конечно, она нравится Клеарху и прочим и без накладных ногтей, а все-таки жалко потерянной данканы, такой красивой, изящной, так тщательно изготовленной...

А еще хуже, что вряд ли успеть сделать новую данкану ко дню испытаний!

Но где Лаис умудрилась ее уронить? Может быть, когда чуть не сорвалась с крыши пристройки в усадьбе Артемидора? Ну ладно, там, среди мелкого щебня, которым был усыпан двор, данкану никто не заметит, а если заметит, вряд ли поймет, что это такое. Но гораздо хуже, если «коготь» сорвался с пальца около стены храма, когда Лаис, испугавшись кошки,

вцепилась в стену. Если ее найдут, будет нетрудно догадаться, кто ее потерял, ведь таких данкан, как у Лаис, больше нет ни у кого!

Конечно, она, как и Маура, может сказать, что искала способ исполнить свое испытание. Но Маура оставалась в пределах храма. А вот Лаис за то, что ночью, без сопровождения, оказалась за стеной, ждет непременная порка. Как она с иссеченной спиной сможет соблазнить хоть кого-нибудь?! Ей не пройти испытаний, ей не стать настоящей гетерой, которая сама выбирает любовников, ее ждет печальная участь – отдаваться на ступенях храма всякому, кто пожелает, а то и перейти в разряд портовых шлюх, участь которых позорна, а век короток...

Неужели именно это имела в виду вещая Кирилла?!

Лаис чуть не всплакнула от страха, но вдруг ее осенило: а кто сможет доказать, что она потеряла данкану ночью? Лаис будет утверждать, что это произошло днем, когда девушки ходили в храм Афродиты – убирать венками ее многочисленные статуи!

Надо поскорей заняться изготовлением новой данканы, а пока на указательный палец можно надеть перстень, который так и называется дактило – палец. Он изображает последнюю фалангу пальца с красивым длинным ногтем. Этот серебряный перстень Лаис подарил Клеарх, и она иногда надевала дактило, даже когда все данканы были целы.

И Клеарху будет приятно...

На душе стало легче, и Лаис, наконец, улеглась и уснула, совершенно забыв, что пифия, даже бывшая, никогда не пророчествует попусту!

Коринф, школа гетер

– Теперь твоя очередь, Лаис, – сказала наставница. – Вообрази, что ты – мужчина, ты – отец семейства, который с трудом урывает время посетить гетеру и испытать радость освобождения от семейных уз.

– Ну, если он встретится с Лаис, его надежды будут обмануты! – хихикнула Маура.

– Помолчи, Маура, ты всем мешаешь, – погрозила ей наставница. – Итак, Лаис... Не забудь, это должен быть гекзаметр. Ну, начинай!

– Как, наставница! Ты не дашь ей даже времени на подготовку? – вмешалась Гелиодора.

– А кто ей даст на симпозиис время на подготовку, Гелиодора? Иногда от быстрого ответа зависит репутация гетеры: прослышет ли она сообразительной и острой на язык – или скучной тугодумкой! Я знаю, вы все недолюбливаете Мауру, но уж чего у нее не отнимешь, так это остроумия и острословия, которые подобны пряностям, делающим любое блюдо манящим и вкусным. Мужчина отведаст это блюдо с удовольствием!

– Если только не отравится злобой, которую Маура использует вместо перца! – пробурчала Гелиодора – впрочем, достаточно громко.

– Гелиодора, помолчи! – одернула ее наставница и велела: – Ну, Лаис, начинай!

Лаис опустила голову, скрывая усмешку.

Маура, которая, как всегда, мечтала об одном: помешать и навредить той, которую с первого дня пребывания в школе яростно ненавидела, на сей раз невольно дала Лаис время подумать. Бесценная Гелиодора помогла тем, что ввязалась в спор. А наставница даже не заметила, что благодаря этому спору у Лаис оказалось то самое время на подготовку, которого она была бы лишена, если бы Маура промолчала. Впрочем, Лаис вполне могла отвечать сразу: тема простая, стихи сложились легко, хвала Афродите!

Итак...

Счастлив кузнечик – немою женой обладает!

Мне же супруга жизнь болтовней отравила.

Вечно корит, уверяя – неверен, мол, я.

Теперь еще дочь подросла – и туда же!..

Лаис декламировала, глядя поверх голов девушек и улыбаясь словам, которые являлись из неведомых далей – очень может быть, слетали напрямик с вершин Парнаса или Геликона или поднимались со дна Кастальского ключа!¹⁶ – и связывались в четкие строки как бы сами собой.

Наконец она закончила. Воцарилось молчание. Выражать восхищение поэтическими способностями подруг аулетридам было строго запрещено, не позволялось никаких рукоплесканий, как на театральных представлениях. Лаис подозревала, что знаменитая поэтесса Анита Тегейская, которая вела матиомы по стихосложению в Коринфской школе гетер и славилась своими эпиграммами¹⁷, просто не переносила похвал, адресованных кому-то другому, а не ей, поэтому и ввела такой порядок. Зато она очень поощряла презрительное освистывание, особенно мастерицей которого была, конечно, Маура.

¹⁶ Парнас и Геликон – священные горы, где обитают музы, Кастальский ключ на Парнасе – источник поэтического вдохновения.

¹⁷ В античные времена эпиграммой называли не краткое сатирическое или ироническое стихотворение, а некую посвятельную надпись на изваяниях богов или на предметах, им преподносимых. Иногда даже эпитафии, то есть надгробные надписи, назывались эпиграммами.

Лаис поймала восхищенный взгляд Гелиодоры, усмехнулась в ответ на презрительную ухмылку Клитии, сделала вид, что не замечает злобной гримасы Мауры, подмигнула вытаращившей глаза Филлис, снисходительно кивнула Майе, Феодоре, Иантине, Хебе, Юдоксии и остальным девушкам, взиравшим на нее с откровенной завистью, – и повернулась к наставнице, ожидая ее приговора.

Анита Тегейская стояла с непроницаемым видом.

– Н-ну... неплохо, – наконец проронила она, с явным трудом расщедрившись на скупую похвалу. – Но сколько, сколько же раз можно говорить, чтобы ты не паялилась невесть куда, а смотрела на своих слушателей! Каждый должен чувствовать, что твои слова обращены именно к нему, а не некоему судилищу бессмертных богов, возглавляемому Аполлоном Мусagetом¹⁸, у которого уже приготовлен для тебя лавровый венок!

– Наставница, ты слишком сурова! – перебил ее чей-то голос, и аулетриды увидели Галактиона, который топтался у входа в зал, где проходила матиома. Выражение лица добродушного евнуха было самое восторженное. – Со своим заданием Лаис справилась великолепно! Если бы я мог, немедленно отправился бы к гетерам!

Галактион частенько насмеялся над своей довольно унылой участью полумужа, и за этот веселый нрав девушки очень его любили. Вот и теперь там и сям раздались смешки.

Недовольный вид был только у Аниты. И, встретив ее ледяной взгляд, Галактион сделал самое серьезное выражение лица, приложил руку к груди и поклонился:

– Да простит меня наставница, но я пришел за Лаис. Явился посланный от Клеарха Азариаса. Лаис ждут у него на симпозиис. Никарета знает об этом, она уже дала разрешение.

Анита Тегейская откровенно надулась. Клеарх был одним из богатейших людей Коринфа, и те гетеры и аулетриды, которые достаивались его внимания, за один вечер могли заработать небольшое состояние.

Известно было, что Клеарх – утонченный ценитель поэзии и музыки, однако он предпочитал приглашать на свои симпозиис не всем известную и прославленную поэтессу Аниту Тегейскую, а начинающую импровизаторшу Лаис. Конечно, тщеславие Аниты было жестоко задето!

Проводив недобрым взглядом изящную фигуру Лаис, торопливо идущей за Галактионом, Анита вызвала отвечать Мауру.

Смуглая фессалийка, однако, замешкалась. Она тоже проводила завистливыми глазами Лаис, а перехватив насмешливый взгляд Гелиодоры, злобно оскалилась:

– Ходят слухи, будто кто-то из друзей Клеарха болен заразной болезнью рта и скрывает это от всех. Надеюсь, именно он пожелает остаться наедине с нашей пыльной львицей!

И Маура захохотала.

Гелиодора передернула плечами.

Маура верна себе! Чудесные пепельные волосы Лаис она называет пыльными и бесстыдно несет полную чепуху. Ведь отлично знает, что аулетридам запрещено отдаваться мужчинам – под угрозой проклятия Афродиты. Точно так же будет проклят тот, кто покусится на нее. Так что Лаис ничего не грозит.

И Гелиодора, едва сдерживая смех, стала слушать, как Маура бестолково блуждает на запутанных тропах гекзаметра.

¹⁸ Один из титулов Аполлона: Мусaget – предводитель муз.

Коринф, дом Клеарха Азариаса

– Воистину, Клеарх, ты на дружеской ноге с Посейдоном! – воскликнул невысокий смуглый человек в гиматии оливкового цвета, искусно расписанном по подолу причудливым узором более темного оттенка. – Иначе каким образом можно добиться такого разнообразия рыбных блюд на столе?! И эти моллюски... они достойны пира олимпийцев, так же, впрочем, как эта дивная рыба в белом вине с ломтиками ангурия...¹⁹ Я ведь правильно называю это чудесное растение?

– Ангурия мне привозят из Сикиона, – сказал Клеарх. – Однако если тебя интересует, как называется это блюдо, надо спросить у моего повара, друг мой Неокл.

– Оно называется саламис, – шепнула Лаис, убирая со стола чашу, в которой гость омыл руки после еды. – Я тоже знаю, как его готовить.

Багроволицый толстяк в темно-красном гиматии, возлежавший на апоклинтре²⁰ рядом с тем человеком, которого хозяин назвал Неоклом, возмущенно взглянул на Лаис.

Однако никто из гостей не выразил возмущения тем, что женщина вмешалась в мужской разговор. Лаис была не просто женщиной, а прежде всего аулетридой, приглашенной прислуживать на пиру и развлекать друзей хозяина, поэтому ей дозволялось многое, за что девушка или замужняя женщина была бы крепко побита отцом или мужем.

Впрочем, судя по выражению лица толстяка, он с охотой наградил бы Лаис тумаком или оплеухой, а сдержался лишь потому, что опасался разгневать Клеарха.

Хозяин дома, в который Лаис пригласили на симпосий, был высокий, великолепно сложенный светловолосый мужчина с некрасивыми чертами веснушчатого лица, но с такой доброй и приветливой улыбкой, что всякий улыбался ему в ответ. Он был умен и приветлив, богат и щедр. За разговором с ним забывалось, что он некрасив: каждым словом, каждой улыбкой, каждым взглядом своих небольших, но умных и веселых глаз Клеарх вызывал восхищение.

При этом он воистину обожествлял красоту и относился к прекрасной Лаис с почти молитвенным восторгом. Между ними уже существовал уговор (одобренный верховной жрицей Никаретой), что именно Клеарх станет ее первым гостем после того, как Лаис пройдет выпускное испытание в школе гетер, и оба они не без удовольствия предвкушали эту встречу, а потому иногда обменивались острыми взглядами и улыбками, которые смутно волновали обоих и смысл которых был понятен только им двоим.

Оба предвкушали эту встречу с удовольствием...

– Подлей еще воды, Лаис, – с улыбкой попросил Клеарх, и Лаис послушно наклонила стеклянный кувшин, расписанный цветами ирисов, над кратером с вином.

Она нагнулась ниже, коснувшись обнаженной грудью плеча Клеарха, и почувствовала, что у того перехватило дыхание.

Однако ни один из них не подавал окружающим виду, как взволновало их это мимолетное прикосновение. Лаис надеялась, что никто не заметил мурашек, которые побежали по ее телу... и никто не обратил внимания, что гиматий на бедрах Клеарха предательски приподнялся.

Клеарх переменил позу, делая вид, что так ему удобнее изящной стеклянной ложкой в виде женской фигурки смешивать в кратере вино и воду.

¹⁹ Ангури (мн. ч. ангурия) – огурец (*греч.*). В описываемое время этот овощ был довольно большой редкостью, его выращивали в городе Сикионе, который называли Поли ангурия, город огурцов.

²⁰ Особое ложе для еды. В описываемое время на долгих пирах со многими переменах блюд, а именно такими были симпосии, ели, полулежа на особых сиденьях. Их название происходит от слова «апоклино» («разгибаю спину»). На апоклинтре полулежали, опираясь на левый бок, чтобы желудок, который находится слева, не давил на другие органы, переполняясь. Три апоклинтра ставили в виде буквы П, а внутри находились столики с едой. Вином гостей обносили виночерпии или аулетриды.

– Давно ли ты превратился в трезвенника, Клеарх? – недовольно пробурчал толстяк, цвет лица которого доказывал, что он предпочитает неразбавленное вино. – Ты пользуешься своим положением симпосиарха и заставляешь нас пить какую-то полубесцветную жидкость, напоминающую слабительное! Ее даже как-то неловко сплеснуть в жертву богам! Или эта девчонка по своей воле льет слишком много воды в кратер? Не зря сказал великий поэт Алкей: «Вино – души людской зеркало!» Зеркало вина отражает скупую и лживую душу твоей аулетриды!

– В самом деле, Лаис? – нахмутив брови, повернулся к ней хозяин дома. – Неужели ты своевольничаешь? А ведь здесь я – симпосиарх, глава этого маленького собрания и распорядитель пира, а значит, именно мне принадлежит право определять крепость вина, которое будут пить мои гости!

Лицо Клеарха имело недовольное выражение, но глаза лукаво блестели из-под сурово сдвинутых бровей. Вдобавок он подмигнул... Это значило, Лаис следовало ответить ворчливому толстяку так, как она сочтет нужным.

– Клянусь вам, достопочтенные господа, что не налила ни капли воды сверх той меры, коя была отмерена нашим симпосиархом, – сказала она, обводя глазами собравшихся с самым невинным и скромным выражением. – А он, как мне кажется, озабочен прежде всего тем, чтобы каждый из вас и после окончания пира помнил свое имя, а не звался Порфирием.

Толстяка звали Порфирием, а его имя значило – багровый. Цвет его лица как нельзя лучше соответствовал этому имени!

Общий хохот показал, что гости должным образом оценили шутку Лаис. Громче всех смеялся Клеарх.

Порфирий криво усмехнулся и пару раз лениво хлопнул в ладоши, показывая, что он тоже воздаст должное остроумию аулетриды:

– Ну что ж, язычок у нее работает бойко. В чем ты, Клеарх, конечно, уже не раз убеждался... вместе со своим лучшим дружкой.

Подражая Лаис, Порфирий придал своему одутловатому лицу невинное выражение и потупился, не сомневаясь, что все вокруг с трудом удерживаются от смеха и не хохочут лишь потому, что не хотят обидеть хозяина.

Однако его ждало разочарование. Большинство гостей сделали вид, что даже не слышали этой рискованной шутки, а взгляды тех, кто все же посмотрел на Порфирия, выражали смущение и досаду.

Всем было известно, что аулетриды приглашаются на пиры только играть на флейтах, танцевать, петь или обносить гостей вином. Все прочие свои желания благовоспитанный коринфянин, почитавший Афродиту – а в Коринфе все почитали Афродиту! – должен был сдерживать до того момента, когда аулетриды сменят свои тоненькие пояски из золотистой кожи на пояса из чистого золота (их носили в подражание зачарованному волшебному поясу Афродиты, в котором заключались любовь, желание и обольщение) и получают право называться гетерами и выбирать себе любовников, друзей и покровителей, одаряя своими ласками кого пожелают и когда пожелают.

Предположить, что аулетрида, приглашенная на симпосий, состоит в связи с хозяином дома, значило оскорбить и ее, и самого хозяина.

– Кажется, это рецина? – явно желая прервать неловкий момент, спросил Неокл, указывая на кратер с вином. – У нас в Эфесе ее тоже любят. Видимо, пифос, сосуд, в котором она стояла у тебя в погребке, был щедро запечатан смолой? Я очень остро чувствую этот смоляной привкус! К тому же, мне кажется, твой винодел не пожалел изюма и меду. Вино очень вкусное, но слишком терпкое. Я бы на твоём месте разбавлял его не двумя, а даже тремя частями воды!

– Верно, верно, – поддержали другие гости.

– Я так и поступаю, – кивнул Клеарх. – И Лаис делает именно то, что ей велю я.

– Лаис, Лаис, только и слышно про эту Лаис, – проворчал Порфирий, раздраженный, что все поддерживали Клеарха, а не его. – А она даже килик²¹ подать не умеет! У нее слишком тонкие и длинные пальцы! Возможно, играть на арфе или кифаре с такими пальцами хорошо, однако для килика они слабоваты! Да еще ей мешает этот перстень-дактило! Ты, Клеарх, с твоим положением и состоянием, мог бы пригласить мальчиков и эфебов из лучших семей Коринфа служить виночерпиями тебе и твоим гостям! Когда я позову вас к себе, вы увидите, каковы мои юные друзья! Я покажу вам одного прелестного мальчика... он так восхитительно улыбается, поддерживая килик лишь кончиками пальцев и поднося его вам с таким выражением, что невозможно удержаться и не насладиться его вкусом...

Порфирий сладострастно причмокнул.

– Речь о мальчике или о вине? – с лукавым выражением пробормотала Лаис – вроде бы тихонько, однако достаточно громко, чтобы быть услышанной.

Со всех сторон послышались смешки, ибо Порфирий был известен своим пристрастием к молоденьким красавчикам и просаживал на них большую часть своего некогда немалого состояния.

Порфирий умолк, словно подавился, однако устался на нее с таким свирепым выражением, что можно было не сомневаться: сейчас на чрезмерно осмелевшую аулетриду обрушится площадная брань.

Но он встретил предостерегающий взгляд хозяина и прикусил язык.

– Я не осуждаю твоих пристрастий, Порфирий, будь и ты снисходителен к моим, – проговорил Клеарх. – Мне гораздо больше нравится, когда полупрозрачная киосская ткань, в которой виночерпиям принято быть на пирах, задрапирована вокруг нежных и загадочных женских бедер, а не вокруг чресл какого-то юнца. Что имеется на чреслах мальчика, я и сам знаю, ведь это же самое есть и у меня! А вот межножье женщины, межножье изысканной гетеры...

Он улыбнулся, взглянув на бедра Лаис, и та тихонько вздохнула, подавляя волнение: оставалось совсем немного времени до окончания выпускных испытаний, а значит, до того дня, когда Клеарх первым явится почтить своими ласками новую гетеру...

Но эти выпускные испытания еще предстоит пройти! А она до сих пор не знает, как соблазнить Артемидора Неприступного!

«Афродита, помоги!» – в который раз взмолилась Лаис и словно бы увидела прекрасную женщину в белом, которая однажды явилась ей около горячего источника на острове Икария – и произнесла пророческие слова о ее будущем.

«О чем я так тревожусь, если мой жребий определила мне сама Афродита?!» – укорила себя Лаис и почувствовала, что на душе стало спокойней.

– Межножье гетеры! – фыркнул Порфирий. – Да что в нем особенного?! Юношеские части²² у всех разные, а также не найдешь подобия в том, чем волнующе поднимает спереди свою одежду красивый мальчик, когда чувства его взволнованы... у всех у них настолько несхожи их прелестные торчащие игрушечки, что не устанешь наслаждаться их разнообразием! В то время как межножье у всех женщин одинаково. Если ты войдешь в реку и сначала зачерпнешь воды левой рукой, а потом правой и отведаешь этой воды поочередно, ты поймешь, что разницы между ними нет никакой. И то же самое, что таится между ногами твоей жены, находится между ногами гетеры. Не вижу смысла оставлять деньги шлюхам, если можно получить желаемое от супруги, причем совершенно бесплатно!

– В самом деле? – задумчиво произнес Неокл. – Тогда почему же мы ищем общества гетер?

²¹ Небольшая плоская чаша для вина. Пирующие держали ее за две ручки, чтобы было удобнее пить. Однако подавать ее следовало, поддерживая под дно двумя или тремя пальцами, так что для ремесла виночерпия требовалось немалое искусство.

²² Так любители мужской красоты иносказательно называли ягодицы молодых людей.

– А давайте спросим у Лаис, – предложил Клеарх. – Что ты думаешь на сей счет, моя красавица?

Она едва не засмеялась от удовольствия. Да ведь именно на эту тему она совсем недавно импровизировала на поэтической мантии!

Само собой, знать об этом почтенным гостям необязательно.

В углу пиршественной залы на сундуке лежала хламида кого-то из гостей, видимо, убожавшегося вечерней прохлады, когда будет возвращаться домой.

– Могу я это взять? – спросила Лаис, показывая на хламиду.

– Конечно, – сказал Неокл.

Лаис в одно мгновение накинула хламиду, задрапировав ее вокруг стана, чтобы скрыть грудь. Свободным краем она прикрыла лицо и, уперев руки в бока, заговорила самым грубым голосом, на который только была способна, подражая мужчине:

Счастлив кузнечик – немою женой обладает!
Мне же супруга жизнь болтовней отравила.
Вечно корит, уверяя – неверен, мол, я.
Теперь еще дочь подросла – и туда же!

Кто же им глупость такую внушил, будто мужчина
Дома должен несходно сидеть,
Взор супруги и дочки своей услаждая,
Пренебрегая при этом своими делами
И радости ввек не имея?!

Уныло жизнь протечет, коль человека
Цепью к семейству его приковать
И охаживать плетью попреков!

Взвоят бедняга и цепи свои перервет,
Чтоб хоть глоточек свободы отведать,
Чтобы из дому сбежать и в храмы Киприды явиться,

Где стройноногие, высокогрудые девы,
Глазами сияя, смеясь или томно вздыхая,
Чаши вином наполняют, наш слух услаждая
Песней или игрой сладкозвучной на струнах кифары,
Чтобы затем ублажить нас игрой сладострастной на флейте,
Которую мы им приносим с собой —
Молчаливой, унылой, поникшей...
Но какая восстанет в их нежных, умелых губах
И пальцах проворных —

И в лад с нею песню восторга и счастья
Мужчина исторгнет!

Вокруг восторженно закричали, раздались рукоплескания, одобрительные выкрики.
Лаис, открыв лицо, обвела гостей смеющимися глазами.

– Великолепно, даже Эринна²³ не управлялась бы с гекзаметром лучше, чем ты, и даже Сафо, некогда обучавшаяся в той же школе, что и ты, не воспела бы лучше ремесло гетеры! – воскликнул Клеарх, хлопая в ладоши.

Впрочем, Лаис хлопали все, даже Порфирий хохотал от удовольствия.

– Беру все свои слова обратно! – закричал он. – Давно я так не тешился острой поэтической импровизацией! Тебя ждет блестящее будущее, Лаис! И, клянусь, если бы не был верным поклонником мужской красоты, я непременно искал бы радости в твоих объятиях!

Лаис еле сдержалась, чтобы не скорчить гримасу – велико ли удовольствие иметь такого неприглядного поклонника?! – однако она понимала, что Порфирий ей немало польстил, а это было весьма великодушно с его стороны.

Поэтому она благодарно улыбнулась, снимая хламиду и с поклоном возвращая ее Неоклу.

– Очень жаль, что уже послезавтра мы с дочерью должны взойти на корабль и покинуть Коринф, – пробормотал он. – Неотложные дела призывают меня обратно в Эфес, хотя я бы с удовольствием задержался до окончания твоих испытаний!

– Ты отправился в такое долгое и нелегкое путешествие с дочерью? – удивилась Лаис. – Сколько же ей лет?

– Пятнадцать. Видишь ли, моя мать умерла, родив меня на свет. Вырастила и воспитала меня ее сестра. Теперь она живет в Коринфе и служит в храме Асклепия, вернее, в лечебнице, которая открыта при нем. Она стара и слаба, за ней самой нужен уход... я хотел бы забрать ее в Эфес, но она отказалась покинуть храм, желает умереть в его стенах. Однако она мечтала повидать внучку – быть может, в последний раз. Вот я и воспользовался случаем и взял с собой дочь, поехав сюда по своим торговым делам. Тем более что я не хотел оставлять девочку рядом с ее матерью без моего присмотра.

Лаис хотела спросить, чем же провинилась его жена, однако не решилась и перевела разговор на другое:

– Понравился ли Коринф твоей дочери?

– Мелисса в совершенном восторге, – улыбнулся Неокл, с явным усилием прогоняя какие-то неприятные воспоминания. – Не пропустила ничего! Любопытна, словно птица каракакса²⁴, которая всюду сует свой нос, вернее, клюв! Думаю, она и сейчас следит за нами откуда-нибудь с галереи.

– Ты позволил своей дочери видеть мужской симпосий? – изумилась Лаис, невольно поднимая голову к верхней галерее, которая окружала всю пиршественную залу, и в самом деле замечая там скорчившуюся под прикрытием перил тонкую фигурку. – Но ведь... но ведь могло случиться...

– Клеарх клятвенно заверил меня, что, пока в его доме живет невинная девушка, моя дочь, ничего непристойного не произойдет: служить за столом будут только его рабы, а украшать пир будет самая скромная и прекрасная аулетрида, которую только можно сыскать в Коринфе. И он сдержал слово! Ты в самом деле красива, умна и скромна. К тому же, оказывается, ты посвящена в тайны хорошей кухни... Как, говоришь, называлось то дивное рыбное кушанье?

– Саламис, – подсказала Лаис. – Я бы рассказала, как его готовить, если тебе угодно. А дома ты научишь своего повара.

– Я сразу все забуду, – махнул рукой Неокл. – А ты можешь подняться на галерею и рассказать это моей дочери?

²³ Эринна – одна из девяти наиболее известных древнегреческих поэтесс, жила, предположительно, в IX веке до н. э. Считалось, что она настолько же превосходит Сафо в гекзаметре, насколько Сафо превосходит ее в мелосе, то есть в лирических стихах.

²⁴ Сорока (*греч.*).

– Конечно, – пробормотала растерянная Лаис. – Но ведь я аулетрида... ты не сочтешь позором, что...

– Что она познакомится с тобой? – усмехнулся Неокл. – Ничуть. У меня очень умная дочь, в отличие от своей матушки, которая просто помешана на приличиях! Ее глупость уже погубила мою старшую дочь, Мелисса – это все, что у меня осталось! Жена чуть не удавилась, когда я решил взять Мелиссу с собой. Но желание моей тетушки для меня священо.

– Меня тоже воспитала сестра моей матери, – сказала Лаис. – И я тебя понимаю. Если угодно, я поднимусь на галерею и расскажу твоей дочери, как готовить саламис.

Лаис была немного смущена при этой встрече, но Мелисса, и в самом деле похожая на хорошенькую птичку своей черноволосой головкой, быстрыми движениями и остреньким носиком, держалась просто и взирала на аулетриду с таким восторгом, словно встретилась с самой Афродитой. Постепенно Лаис успокоилась.

Мелисса оказалась очень сметлива, внимательно выслушала, как готовить саламис, бор-моча, чтобы лучше запомнить:

– Рыбу очистить от косточек... Шесть ложек оливкового масла и одну – винного уксуса, один килик терпкого белого вина, один большой ангури или два маленьких, черный перец не добавлять, чтобы не перебить вкус... Так, соль, красный перец, лук и чеснок, зелень...

В благодарность Мелисса открыла Лаис секрет, как правильно готовить яблочные китро²⁵.

Оказывается, перед тем, как сварить дольки яблок в меду, их надо замочить в подсоленной воде! Тогда они сохраняют красивый бело-розовый цвет и не будут разваливаться при варке. Вот и весь секрет.

Словом, девушки почти подружились.

– Приезжай к нам в Эфес, – пригласила Мелисса. – Теперь, когда великий Александр освободил наш город от персов, это очень просто сделать! Я покажу тебе, где стоял храм Артемиды, разрушенный Геростратом... Говорят, после этого Эфес утратил половину своей красоты, но, по-моему, там и сейчас прекрасно. В Эфесе много храмов, а святилище Пана в прибрежных скалах...

Но тут же она умолкла, явно не желая рассказывать дальше, и лицо ее омрачилось, а на глазах показались слезы.

– Моя лучшая подруга давно мечтала побывать в Эфесе, – сказала Лаис, вспоминая, как ей недавно говорила об этом Гелиодора. – Может быть, мы когда-нибудь приедем к вам вдвоем.

– А моей лучшей подругой была моя сестра, – всхлипнула Мелисса. – Она была всего лишь на два года старше меня, но мы выросли вместе и не чувствовали этой разницы. Нас даже звали похоже: я – Мелисса, а она была – Мелита. Нас называли в честь матери, которую зовут Мелина, однако мы обе пошли в отца. Мы были удивительно похожи с сестрой и очень любили друг дружку. – Девушка снова всхлипнула. – Не прошло дня, чтобы я не оплакивала ее гибель! Отец считает, что во всем виновата наша мать, но она ведь хотела как лучше... Она тоже не перестает корить себя и рыдать над участью бедной Мелиты. Было бы легче, если бы мы могли приходить туда, где стоит урна с ее прахом или зарыто ее тело, однако сестра исчезла около года тому назад... Говорят, Пан покарал ее за бесчестие, но я не могу в это поверить! Она не могла быть бесчестной!

Мелисса с тяжелым вздохом утерла слезы:

– Прости, что я так глупо веду себя. Умоляю, не говори отцу, что я рассказала тебе о сестре. Он не забыл этого горя и не простил мать, которая настояла на том, чтобы Мелита пошла в грот Артемиды...

²⁵ Цукаты (греч.).

Лаис очень хотела расспросить, что же это за грот, где пропадают люди, но понимала, что любопытство сейчас неуместно и оскорбительно.

– Я понимаю, – тихонько сказала она, – конечно, я ничего не скажу Неоклу...

Девушки простились; Мелисса ушла в свою спальню, а Лаис снова спустилась к гостям.

Клеарх сделал ей знак подойти.

– Послушай, Лаис, – сказал он. – Тебе пора возвращаться. Жаль тебя отпускать, но Галактион уже пришел за тобой. Однако тут довольно долго ждет один человек, который клянется богами, что у него есть для тебя важное известие. Поговоришь с ним?

– А кто он? – удивилась Лаис.

– Я его не видел. Слуги говорят, он уверяет, будто ты его знаешь. Позвать его? Встретиться с ним?

– Хорошо, – согласилась девушка, недоумевая.

В сопровождении Клеарха она прошла в отдельный покой, куда через мгновение слуга ввел невысокого и немолодого, но очень крепкого для своих лет человека.

Клеарх деликатно стоял в стороне, но не упускал ни слова из разговора.

Когда свет лампочки упал на лицо вошедшего, Лаис изумленно отшатнулась.

Это оказался Мавсаний, раб Артемидора!

– Ты узнала меня, госпожа? – спросил он.

– Нет, – стремительно соврала Лаис. – В жизни тебя не видела!

– И ты не была минувшей ночью в усадьбе Главков? – не без ехидства спросил раб.

– Конечно, нет! – со всем возможным возмущением вскричала Лаис.

– Если так, откуда мне известно, что именно той ночью ты потеряла одно из украшений для своих ногтей? – спросил Мавсаний. – Зеленое, с серебром... Изволь показать руки!

Лаис невольно спрятала за спину руку с дактило на указательном пальце.

Мавсаний держался без тени смущения и подобострастия. Так мог вести себя только человек, который совершенно уверен не только в себе, но и в том, что хозяин непременно заступится за него и ни в коем случае не позволит причинить ему зло.

– Что все это значит, Лаис? – настороженно спросил Клеарх, подходя ближе.

Лаис взглянула на него с мольбой:

– Это из-за моего испытания... ты же знаешь, мне выпал жребий соблазнить неприступного...

– Да, я слышал об этом, – кивнул Клеарх. – Жалею только, что это не я, тогда тебе не пришлось бы тратить силы! Но мне так и неизвестно, на кого именно указал жребий. Погоди... да ведь это раб Главков, вернее, раб Артемидора... Неужели тебе выпало совратить самого Артемидора?! Бедная моя девочка, совратить Артемидора невозможно, это всем известно! Это примерно то же самое, что искушить Демосфена, который ненавидит и презирает всех гетер!

Лаис скорчила брезгливую гримасу.

– Ого, – усмехнулся Клеарх, – я вижу, ты знакома с этим афинским краснобаем! Между прочим, он должен прибыть на ваше открытое испытание по общим знаниям, а потом остаться на искушение по жребию.

– Надеюсь, он в пути сломает ногу, – буркнула Лаис.

– Чем он перед тобой провинился?! – изумленно спросил Клеарх.

Лаис пожала плечами. Рассказывать об их с Демосфеном единственной мимолетной встрече в Афинах не было ни малейшего желания. Так же, как вспоминать, что неприязнь к знаменитому омитилтэсу²⁶ в ней посеяли рассказы о его трусости во время боев афинян с македонцами.

²⁶ Омитилтэс в Древней Греции – то же, что оратор в Древнем Риме.

– Ну хорошо, – покладисто кивнул Клеарх, – не хочешь говорить – и не надо. Вернемся к Артемидору... Еще раз повторяю – его совратить невозможно!

– Позволь тебе возразить, господин! – низко кланяясь, возразил Мавсаний. – Есть для этого путь, и я пришел подсказать его госпоже.

Услышав это, Лаис онемела от изумления.

– Ты?! – недоверчиво проговорил Клеарх. – Возможно ли такое? Мавсаний, подумай только, что ты говоришь? Ты пришел, чтобы предать своего господина?! За это ты достоин смерти!

– Я служу не только этому прекрасному, но неразумному ребенку, которому дано прозвище Апрозитос, но и всему роду Главков, – тихо сказал Мавсаний. – Мой отец служил Главкам и мой дед. И вот теперь я вижу, что этот древний и могучий род может пресечься из-за упрямства моего молодого властелина. Если бы вы знали, до чего его нежелание жениться и зачать наследника довело его несчастную мать! Она едва не лишила себя жизни! Артемидор вырвал нож из ее рук и дал клятву, что женится... если будет соvrащен женщиной, перед которой он не сможет устоять. Но это было два года назад, а Артемидор по-прежнему продолжает предаваться своей безумной страсти, не глядя ни на одну женщину.

– А как же наряды, украшения, сандалии, парики? – с любопытством спросила Лаис. – Для кого они?

– Это тайна, в которую я помогу тебе проникнуть, госпожа, – сказал Мавсаний. – И если с твоей помощью нам удастся сломить Артемидора, я готов буду понести кару за предательство, ибо я исполню свой долг перед родом Главков!

Коринф, усадьба Главков

– Господин, – произнес Мавсаний дрожащим голосом, – сделай милость, не ходи сегодня в подвал.

– Если ты еще раз назовешь его подвалом, я велю сечь тебя плетьюми, – холодно отозвался Артемидор. – Смотрю, твоя спина уже зажила?

Не далее как в прошлой декаде²⁷ Мавсаний уже был отправлен на порку. Тоже непозволительно ворчал насчет страсти Артемидора... Потом на время притих, но вот снова приступил!

Однако сейчас угроза, видимо, действовала, потому что Мавсаний поклонился с невеселой улыбкой:

– Я твой раб, господин, моя жизнь в твоей власти, да и спина тоже.

– Я рад, что ты это понимаешь, – буркнул Артемидор. – Подай вина!

Мавсаний поднес ему чашу. От одного запаха начинала приятно кружиться голова, а уж после того, как Артемидор сделал несколько глотков, сердце его согрелось, досада на Мавсания отступила, и весь мир словно бы исполнился той блаженной неги, которая уже овладела им самим.

Он любил эти мгновения ожидания, надежды... Она никогда не сбывалась, но Артемидор уже и не ждал ничего иного, кроме того, что получал. Любовь сбывалась в его сердце, и это было главное, а тело... Ну что ж, это во всяком случае лучше, чем любить мальчишек или красивых животных!

Несколько лет назад он прочел историю о каком-то человеке, который был влюблен в статую юного Эроса, обращался к колдунам, чтобы его оживить, а потом умер от этой любви. Но Артемидор, как ни становилось ему грустно при частых воспоминаниях о любви столь же безнадежной, как и его собственная, все же радовался, что нашел способ удовлетворять свою страсть, одновременно и возвышенную – и грубую, земную.

Он пошел было к сундуку, чтобы достать новые наряды и украшения, однако Мавсаний внезапно сказал:

– Да простит меня господин мой Артемидор... ты всего лишь вчера поднес своей возлюбленной великолепные ткани и камни. И взял новый парик... Черный как смоль, весь в локонах... Может быть, она еще не успела насладиться твоими подарками? Женщины, конечно, любят разнообразие, но точно так же они любят подолгу рассматривать то, что у них уже есть!

Его слова показались Артемидору разумными, тем более что дивная ткань из Индии, в которую он облек любимое тело не далее чем вчера, в самом деле была так легка, красива, так шла прекраснейшей из женщин... Прежде чем совлечь покровы с тела возлюбленной и насладиться им, Артемидор вновь полюбуется изяществом и роскошью ее одеяний.

На миг ему стало бесконечно грустно при мысли, что никто и никогда больше не увидит этой утонченной красоты, которой он владел, что не дано ему похвастаться ею перед другими мужчинами, которые знай рассказывают о красоте своих невест и жен, частенько привирая при этом.

И, словно почуяв это мгновение слабости, Мавсаний вновь простонал умоляюще:

– Не ходи... не ходи нынче в свой храм, господин!

Что-то особенное звучало в его голосе. Артемидор ощутил это, несмотря на с недавнего его страстное желание, и слегка встревожился. Но нетерпение его и жажда обладания красотой любимого тела оказались сильнее тревоги, сильнее разума, сильнее осторожности, сильнее всего на свете!

Он только отмахнулся от раба:

²⁷ Месяц в Древней Греции делился на три декады.

– Дай мне лучше еще вина!

Мавсаний покорно поднес чашу, с поклоном отворил потайную дверь, а потом, когда Артемидор уже вступил в темный проем, до него долетел слабый вздох верного слуги:

– Прости меня, господин!

Артемидор удивленно обернулся.

Ах да, Мавсаний подал ему факел.

– Ты думаешь, я могу там заблудиться? – усмехнулся Артемидор, но факел все же взял.

Показалось, или в глазах Мавсания блеснули слезы? Впрочем, сейчас для Артемидора уже ничто не имело значения, кроме нетерпеливого ожидания любовного свидания.

Ему предстояло спуститься с пяти высоких ступеней, прежде чем попасть в пещеру, ставшую храмом его любви.

Неведомо, кто продолбил эту пещеру: быть может, кто-то из далеких предков Артемидора, которые некогда выстроили дом Главков вплотную к одной из скал Акрокоринфа. Но вероятней всего, пещера была создана природой, а люди пробили в скале только ход к ней. Прошли годы и века, дом расширялся и перестраивался, о пещере забыли, хотя, вполне возможно, вход в нее был заложен нарочно. Артемидор в этом почти не сомневался! Возможно, обитательница этой пещеры когда-то свела с ума кого-нибудь из его предков... Так же, как она свела с ума самого Артемидора. Он опасался расспрашивать, кто поселил ее в пещере, опасался навести семью на ненужные подозрения. Смертельно боялся, что за ним станут следить, обнаружат храм его любви и разрушат его!

А между тем, если бы он поговорил с Мавсанием, он узнал бы некоторые древние тайны своей семьи...

Но Артемидору и в голову не приходило спрашивать старого раба! А Мавсаний был связан клятвой, которая передавалась в их семье из поколения в поколение, оттого молчал и он.

Артемидор наткнулся на подземный ход лет десять тому назад совершенно случайно, когда, после очередной перестройки дома, которые очень любил затевать отец, стена в спальне Артемидора вдруг дала трещину, а потом из нее выпал камень. Случилось это во время какого-то храмового праздника, на который отправились все домочадцы и слуги, кроме заболевшего Артемидора – и Мавсания, охранявшего его покой.

Юноша, который очень ослабел от болезни, волшебным образом почувствовал себя гораздо лучше, стоило ему лишь только увидеть, что за выпавшим камнем скрывается темное отверстие. Наверное, предчувствие грядущего само собой исцелило его, как исцеляет людей надежда на милость божества.

Он кликнул Мавсания и с его помощью извлек еще два камня. Образовалось отверстие, достаточно большое, чтобы в него можно было пролезть.

Как ни молил слуга, Артемидор не позволил ему сопровождать себя. Словно бы чей-то голос шепнул ему, что он должен пройти один этим путем.

Задышавшись от сжигавшего его жара, на дрожащих ногах, еле удерживая в ослабевшей руке факел, юноша спустился по корявым ступеням, выдолбленным в горной породе, и очутился в небольшой пещере причудливых очертаний. Свод ее поднимался выше человеческого роста. Видимо, здесь оказался один из слоев того чудесного бело-розового мрамора, который иногда находили в горах близ Коринфа и которым, в частности, был изнутри облицован знаменитый храм Афродиты. Особенностью этой пещеры было то, что в мрамор оказались вкраплены созвездия фосфороса – загадочного, светящегося в темноте вещества, которое названо именем утренней звезды. Поэтому здесь никогда не было совершенно темно, а всегда царил некий смутный полусвет.

Воздух в пещере был чист и свеж – потом Артемидор выяснил, что к вершинам гор тянулся узкий лаз, недоступный для людей и животных, но служивший отличным воздухово-

дом. Из пещеры вело несколько ходов. Артемидор опасался слишком углубляться в них, но в одном отыскал подземный источник, источавший слабое журчание.

Впрочем, все это юноша разведal потом, много позже, а тогда, в первое мгновение, просто стоял неподвижно, потрясенный открывшейся ему картиной.

Посреди пещеры – прямо на каменном полу, без всякого пьедестала – лежала статуя, изваянная столь искусно, что она сначала показалась Артемидору живым, но крепко спящим существом.

Женщина лежала, опираясь на локоть правой руки, раздвинув согнутые колени. Голова ее была чуть откинута назад, глаза закрыты. Это не было изображение спящей женщины, ибо спать в такой позе невозможно. Это было изображение женщины, отдающей любовнику в порыве страсти. О страсти говорили стоящие торчком груди с острыми сосками, приоткрытые губы, напрягшиеся мышцы ног. Указательный палец левой руки касался межножья, словно указывал путь любовнику.

Ничего более прекрасного, соблазнительного и искушающего не видел Артемидор в своей жизни, чем эта мраморная красавица, томящаяся от неудовлетворенного желания.

Юноша, пораженный страстью, как стрелой, прилетевшей из ночи, совершенно потерял голову. Он был еще слишком молод и скромен, чтобы посещать шлюх или гетер, да и не изведал еще неодолимой власти плоти, которая вынуждает мужчин совершать любовные безумства, однако сейчас темная сила Эроса безжалостно сломила его. Не владея собой, чувствуя, что умрет, если не получит желаемого, он упал на мраморное тело и принялся целовать неподвижные губы. Лишь только восставшая плоть Артемидора коснулась безжизненного лона статуи, как он, в страстных столах, впервые в жизни излил семя и впервые в жизни ощутил то несказанное блаженство, которое дарует мужчине оргастическое содрогание. Впрочем, лишь только он осознал, что с ним произошло, как желание вновь заставило его плоть восстать, и он вновь приник к мраморному телу, уже немного согревшемуся в том жару, который сжигал тело Артемидора. Юноша терся об это тело, помогая себе руками, удовлетворяясь вновь и вновь, пока совершенно не изнемог и не лишился чувств во время одного из самозабвенных содроганий.

В это время Мавсаний, сходящий с ума от беспокойства, решился нарушить запрет и последовать за молодым хозяином. Он был потрясен до глубины души при виде открывшейся ему картины. Два неподвижных тела, истомленных любовью, пораженных ею, как смертью... женщина уже мертва, юноша на грани умирания...

Мавсаний, отчаянно испуганный, вынес Артемидора из пещеры, молясь всем богам вернуть ему сознание, и вскоре тот очнулся, чувствуя себя еще слабым, но небывало счастливым. Болезнь покинула его на другой же день, но страсть к мраморной любовнице овладела Артемидором безраздельно. Отныне он проводил рядом с ней каждую ночь, оставаясь равнодушным к живым женщинам, не мыслил своего существования без этой любви и поклонялся мраморной возлюбленной, как богине и подруге, принося ей в дар самые дорогие и изысканные наряды и украшения, какие только мог добывать.

У статуи были очень короткие, как у юноши или рабыни, мраморные волосы, и Артемидор покупал для нее роскошные парики, ибо ему нравилось перебирать эти пряди во время страстных объятий.

Шли годы, любовь Артемидора не иссякала, и если Мавсаний иногда думал о том, что его господин не иначе как околдован, то Артемидор был в восторге от этого колдовства.

Уходя от мраморной красавицы, он знал, что увидит ее во сне. Он любил эти сны, потому что в них женщина оживала, прижималась к нему, заключала его в объятия, целовала, называла ласковыми именами, а его плоть глубоко проникала в нежное, жаркое лоно и бурно извергалась там... и возлюбленная разделяла его пыл и его восторг.

Иногда, забывшись, Артемидор просил статую, чтобы она обняла его, и был настолько безумен в сведавшей его страсти, что ему всерьез казалось, будто он чувствует легкие касания

ее рук на его спине. Иногда он просил поцеловать его – и тогда чудилось, будто каменные уста отвечают ему...

Прежде, бывало, Артемидор задумывался над тем, кто – боги или люди – изваяли это совершенное женское тело. Ему приходилось видеть в древних храмах или прямо при дорогах изделия ваятелей давно минувших времен. Они были несравненно более неуклюжими и безыскусными, чем произведения знаменитых Каллимаха, Фидия, Лисиппа или Праксителя! Обожаемая им статуя принадлежала к временам, бесспорно, древним, но при этом была изваяна с невероятным мастерством и тонкостью.

Возможно, она являлась творением Эндоя, ученика баснословного мастера Дедала. В Афинах Артемидор видел работы Эндоя: их отличали изумительная точность линий и редкостное мастерство, придающее лицам и телам не застывшую монументальность, а ощущение движения, остановленного лишь на миг. Говорили, именно Эндой некогда создал статую Артемиды Эфесской, стоявшую в храме, уничтоженном Геростратом. По рассказам современников, она была изваяна из кедра, затем позолочена – и поражала своим совершенством.

Однако Артемидор предпочитал думать, что его возлюбленная (он так и звал ее – Агапи, Любовь) создана теми же силами, которые некогда призвали к жизни олимпийских богов. Может быть, она была ореадой, нимфой гор, обительницей Акрокоринфа²⁸, которая в незапамятные времена спустилась в пещеру – да и заснула там зачарованным сном.

Впрочем, чаще всего Артемидор ни о чем таком не думал, а шел к статуе с тем же ощущением, с каким всякий мужчина идет к своей женщине.

Сейчас он жаждал слиться с ней, как никогда раньше... вино туманило голову, но воспламеняло тело и пробуждало неистовое желание.

Артемидор оставил факел в светце, укрепленном на стене. Он любил, когда в пещере воцарялся легкий полумрак, в котором тело возлюбленной словно бы светилось, казалось живым и теплым. В отблесках далекого пламени искрилась дивная ткань, прикрывавшая ее манящие формы; сверкали камни драгоценного ожерелья и браслетов, унизывавших нежные руки.

Артемидор потянул на себя ткань, готовясь насладиться совершенством линий любимого тела.

В это мгновение факел вдруг затрещал и погас.

Артемидор хотел кликнуть Мавсания, чтобы тот принес новый факел, но словно онемел. Станный аромат коснулся его ноздрей... Он никогда не натирал мраморное тело любимой благовониями, потому что их резкий запах раздражал его чувствительное обоняние и как бы уравнивал Агапи с теми пошлыми созданиями, которые беспрестанно помогали Артемидору и надоедали ему своими приставаниями.

Наверное, этим ароматом была пропитана индийская ткань, странно, что он не заметил этого раньше! Впрочем, запах его ничуть не раздражал, а еще сильнее взволновал. Ноздри его затрепетали.

Артемидор сдернул ткань и прижал к лицу.

Странно – запах исчез.

Отбросил ткань в сторону – запах возобновился, пряный и манящий.

Почему-то показалось, что он исходит из межножья мраморной любовницы...

Артемидор почувствовал, что его желание становится почти невыносимым. И вновь, как это часто бывало, он мысленно вознес молитву Афродите, чтобы хоть однажды, хоть ненадолго наполнила жизнью чресла и губы возлюбленной, чтобы откликнулась на его мольбу, как некогда откликнулась на мольбу Пигмалиона – и оживила для него Галатею...

²⁸ Так назывались горы над Коринфом. Слово «акро» значит – выше, отсюда Акрополь, то есть нечто, находящееся выше полиса.

Он низко склонился на статуей и прошептал, как шептал не раз:

– Поцелуй меня...

Затем коснулся губами ее губ – и сердце его замедлило свой бег, когда губы Агапи дрогнули – и ответили ему!

Он понимал, что это всего лишь сладкий самообман – некое подобие его горячечных снов, что этого просто не может быть, – однако всем существом своим отдался наваждению. Он уже ощущал объятия нежных рук и ощутил, как лоно любимой раскрылось для его вторжения... О боги, о Афродита, насколько же превзошла реальность самые сладостные его сновидения!

Артемидор с мучительным и враз благодарным стоном изверг семя в это раскаленное лоно – и, едва переведя дух, ощутил новый прилив желания.

Точно так же было в ту первую ночь, когда он совокуплялся со статуей.

О да, сейчас все было как в первый раз!

Ни одна мысль более не посещала голову Артемидора. Он весь превратился в сгусток беспрестанно воскресающего желания – и его постоянного удовлетворения.

Раз за разом он овладевал покорным – и в то же время жарко отвечающим ему телом, гоня от себя прочь любые сомнения, не позволяя себе предаться даже мимолетным размышлениям, гоня их, как врагов, и самым лютым из них была трезвая мысль: «Этого не может быть!», изредка вспыхивавшая где-то на обочине помраченного страстью рассудка подобно тому, как вспыхивает огонь маяка, пытаясь направить заблудившийся корабль на верный путь.

Этого не могло быть, да, но это все же было! Афродита ответила на его мольбы, вот и все. Если Галатея могла сойти к Пигмалиону с пьедестала и даже родить ему детей, то почему однажды не могли наполниться огнем каменные губы его любимой, каменные руки не могли сделаться враз такими нежными и сильными, а каменное лоно не могло впустить в себя жаждавшее естество?!

О, это лоно... волшебное, божественное лоно...

Конечно, волшебное, божественное! Ведь смертная женщина не могла обладать такой властью над желанием Артемидора, не могла по своей воле ускорять или замедлять приход его наслаждения!

О эти губы, конечно, волшебные, божественные... они порхали по его телу, ласкали, целовали – и стоны Артемидора переходили в крики блаженства столь острого, что оно казалось мучением.

Наконец он лишился сил и уснул в объятиях нежных рук и гладких, словно шелк, ног, обхвативших его поясницу, уснул посреди поцелуя – и не слышал, как приблизился Мавсаний и раскинул на полу ковер.

Двое мужчин вышли из темного угла пещеры и переложили Артемидора на ковер. Рядом с ним положили ту, в чьих объятиях он изнемог от страсти.

Затем мужчины вынесли из того же угла мраморную статую, предмет обожания Артемидора, и поставили на прежнее место.

Оттуда же появилась женщина в черном и набросила черную накидку на ту, которая изнурила Артемидора и теперь сама была бессильно простерта на полу.

Сняла с ее головы парик, надела его на голову статуи.

– Вставай, дитя мое, Лаис, – сказала она с нежностью и сочувствием.

Девушка слабо пошевелилась, но не смогла даже голову поднять.

– Ничего, привыкнешь, – усмехнулась женщина. – Ты была с мужчиной всего лишь час, а после того, как станешь гетерой, тебе придется проводить с ними ночи напролет, причем не с одним, а с несколькими!

– Клянусь Афродитой, великая жрица Никарета права, – глухо проронил один из тех, кто переносили статую, – если бы ты не считалась еще аулетридой, а я не должен был сейчас

исполнять обязанности одного из судей твоего испытания, я не стал бы ждать, пока тобою насытится Артемидор, а набросился бы на него и вырвал тебя из его объятий, не будь я Клеарх Азариас!

– И я присоединился бы к тебе, не будь я Неокл из Эфеса! – горячо воскликнул другой мужчина. – Не могу передать, как мне горько будет уехать завтра, не насладившись твоей красотой и мастерством, прекрасная Лаис!

– Я благодарна вам, бесконечно благодарна... – чуть слышно пробормотала девушка, а потом испустила вздох – и лишилась чувств.

– Этот молодой негодяй был ненасытен! – прорычал Клеарх.

– Разве ты вел бы себя иначе на его месте? – усмехнулся Неокл.

– Нам пора уходить, – напомнила Никарета. – Бывший Неприступный вот-вот придет в себя!

И она злорадно хохотнула.

Клеарх и Неокл осторожно подняли сонного Артемидора и уложили его на статую.

Поверженный любовник издал слабый стон, ощутив прикосновение ледяного мрамора.

– О мой бедный господин, – простонал Мавсаний. – Мой бедный господин! Что же я наделал!..

– Ты оказал ему огромную услугу, поверь, Мавсаний, – буркнул Клеарх. – Этому глупцу и во сне не могло присниться блаженство, которое он испытал!

– Добрые господа, возьмите эту бедняжку на руки, она все еще не очнулась, – сказала Никарета, придирчивым взглядом окидывая подземное святилище любви.

Клеарх выступил вперед и без малейшего усилия поднял на руки Лаис.

– Мы уйдем тем же потайным путем, каким пришли, – обернулся он к Мавсанию. – А ты оставайся с ним, пока он не очнется.

Мавсаний склонился над бесчувственным хозяином с видом такого отчаяния, что Клеарх счел необходимым напомнить:

– Вся эта затея окажется пустой, если ты не явишься в назначенный день в храм Афродиты и не засвидетельствуешь случившееся. Ты должен подробно рассказать, как провел нас в эту пещеру, помог подстроить обман, как потом вывел нас отсюда. Иначе Артемидор вряд ли поверит, что женщине все же удалось его совратить – и что он теперь обязан исполнить клятву, данную матери: жениться и продлить род Главков.

Мавсаний на мгновение закрыл лицо руками, но все же потом покорно кивнул.

Неокл чуть слышно сказал:

– Ты вовремя напомнил ему об этом, Клеарх. Но думаю, что после того, как он засвидетельствует позор своего хозяина, Мавсаний покончит с собой.

– Я благодарен ему за то, что он помог Лаис, однако тому рабу, кто предал своего господина, другой дороги нет, – согласился Клеарх. – Иначе он будет распят по приказу архонта на городской стене. Однако пойдем скорей! Этот молодой паршивец приходит в себя!

Неокл покачал головой, услышав нотки свирепой ревности, отозвавшиеся в голосе Клеарха, однако не сказал ни слова.

Коринф, дом Олиса Хомера

– Что это значит, друг мой Олис? – спросил Порфирий, поправляя венчающий его голову венок из белых роз, поудобнее устраиваясь за столом и с улыбкой принимая килик с вином от стройного нагого юноши. – Ты решил изменить обычаям и совлек все покровы с наших виночерпиев? Даже самой узехонькой повязки на чреслах не оставил? Хм... Я-то ничего не имею против голеньких мальчишек, но...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.